

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОТИВНИКИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Статья Г. Берлинера

Как известно, литературная деятельность Добролюбова была очень кратковременна. После первых статей, напечатанных в «Современнике» летом и осенью 1856 г., участие Добролюбова в журнале прервалось и возобновилось только в середине 1857 г., а 17 (29) ноября 1861 г. его уже не было в живых. Таким образом активная и непрерывная работа Добролюбова в «Современнике» продолжалась каких-нибудь четыре года с небольшим.

Кратковременность литературной деятельности Добролюбова предопределила до известной степени и ход литературной борьбы с ним. Если литературная борьба с Чернышевским началась сразу же после того, как Чернышевский перешел из «Отечественных Записок» в «Современник», и наибольшего напряжения достигла в последние годы перед арестом Чернышевского, то ход литературной борьбы с Добролюбовым был несколько иным. Правда, первое выступление Добролюбова в печати тоже вызвало ожесточенные нападки на него и послужило поводом к довольно оживленной полемике. Но настоящая литературная борьба с Добролюбовым началась только после того, как был основан «Свисток» и появились известные статьи об обличительной литературе и о романе Гончарова «Обломов». До этого предпочитали нападать не на Добролюбова, а на Чернышевского. Сам Чернышевский в статье «В изъявление признательности», написанной вскоре после смерти Добролюбова, говорит: «когда Добролюбов только что начал писать в «Современнике», его статьи приписывались мне, — но с прибавками нелестными для моего самолюбия. «Из бывших статей в нынешней книжке самая удачная вот такая-то», — говорил мне какой-нибудь знакомый и называл статью не мою, а Добролюбова»¹. В дальнейшем Чернышевский говорит, что настоящая известность Добролюбова началась в конце 1858 или в начале 1859 г. Действительно, непрерывная и обостренная полемика с Добролюбовым началась лишь в 1859 г. (если не считать некоторых мелких чисто случайных выпадов). Через два года с лишним в самом разгаре этой борьбы Добролюбов умер. Эта неожиданная смерть несколько не смутила его противников, и самые ожесточенные выпады против Добролюбова падают на первые годы после его смерти.

История литературной борьбы с Добролюбовым за исключением отдельных эпизодов и моментов до сих пор не привлекла внимания исследователей; между тем, эта история весьма важна и поучительна.

Первая крупная статья Добролюбова, напечатанная в «Современнике», — статья о «Собеседнике любителей русского слова» («Современник», 1856, август и сентябрь) была написана на историко-литературную тему: в ней шла речь о журналах, издававшихся Екатериной II. Несмотря на такую академическую тему статья послужила поводом к весьма ожесточенной полемике с «Отечественными Записками».

Статья Добролюбова была избрана мишенью для нападков, которые дол-

жны были убедить читателя, что в научном отделе «Современника» дают место авторам, не имеющим никакого представления о предмете своих исследований. В октябрьской книжке «Отечественных Записок», в заметке от редакции, посвященной «Современнику», после общих фраз об исследованиях, которые «способны тешить празднословное невежество или невежественное празднословие и напоминают фабрикацию мыльных пузырей», прямо говорилось, что статья Добролюбова напоминает карточный домик, который должен рассыпаться от первого соприкосновения с фактами. Для того, чтобы доказать это, Краевский предоставил в октябрьской книжке «Отечественных Записок» место статье известного в то время историка литературы Галахова «Были и небылицы, сочинение императрицы Екатерины второй». Выбрав из всей статьи Добролюбова мимоходом брошенное утверждение, что сатира журнала Екатерины II «Были и небылицы» имела поверхностный и несерьезный характер, Галахов пытался опровергнуть это утверждение, расточая в то же время казенно-патриотические дифирамбы самой Екатерине. Он приводил множество выписок из различных сочинений Екатерины II и из произведений разных авторов XVIII века; выписки эти в своей совокупности должны были доказать, что объектом сатиры «Былей и небылиц» служили пороки и недостатки русского общества, которые действительно были очень распространены в то время, которое высмеивалось не только Екатериной, но и другими писателями XVIII века, и что, следовательно, сатира Екатерины II не имела того поверхностного характера, на который намекал Добролюбов. В противовес Добролюбову Галахов определял журнал «Были и небылицы», как живую и меткую сатиру и как характеристику темных явлений русского общества екатерининской эпохи.

Однако из попытки «Отечественных Записок» дискредитировать Добролюбова при помощи ученого специалиста ничего не вышло. Галахов мог казаться крупной научной величиной только редакции «Отечественных Записок». В действительности это был только добросовестный компилятор и популяризатор. Добролюбов без всякого труда разоблачил научную и методологическую несостоятельность возражений Галахова, указав в своем ответе, напечатанном в октябрьской книжке «Современника» за 1859 г., что выписки Галахова, сделанные из самых разнообразных источников, но только не из «Былей и небылиц» Екатерины II, в сущности говоря, не имеют никакого отношения к делу и ничего не доказывают².

Исторический интерес этого столкновения заключается, конечно, не в спорах о журналах Екатерины II, а в его принципиальной стороне. Излагая свои взгляды на задачи истории литературы и литературной критики, Добролюбов писал: «Теперь дорожат каждым малейшим фактом биографии и библиографии. Где первоначально были помещены такие-то стихи, какие в них опечатки, как они изменены при последних изданиях, кому принадлежит подпись «А» или «Б» или «В» в таком-то журнале или альманахе, в каком доме бывал известный писатель, с кем он встречался, какой он табак курил, какие носил сапоги, какие книги переводил по заказу книгопродавцев, на котором году написал первое стихотворение — вот важнейшие задачи современной критики, вот любимые предметы ее исследований, споров, соображений... Она занимается фактами, она собирает факты, и что ей за дело до выводов! Выводы делайте сами». Нападая на мелочную фактографию, действительно характерную для некоторых историко-литературных статей, печатавшихся в русских журналах в эпоху цензурного террора, Добролюбов противопоставлял методологически несостоятельным историко-литературным работам публицистическую критику, которая, по его словам, дает верную, полную, всестороннюю оценку писателя или произведения, произносит новое слово в науке или искусстве и распространяет в обществе «светлый взгляд, истинные благородные убеждения». Не имея возможности упомянуть имя Белинского,

Добролюбов иносказательно заявлял о своем глубоком уважении к одному критику, который удовлетворяет всем этим требованиям. «И долго будет в обществе отзываться звучный, ясный голос этого критика», — писал Добролюбов: «долго будет чувствовать народ благотворное влияние его горячей смелой проповеди».

Возражения «Отечественных Записок» на эти замечания Добролюбова сводились к указаниям на невозможность обойтись без библиографии в серьезной научной работе. «Каждому литератору», — писал анонимный оппонент Добролюбова, — «если только он не самозванец, известно, каким образом возникла и сильно развилась у нас библиография. Она явилась вследствие серьезного воззрения на тот предмет, которому обязана служить, — историю литературы»³.

«Отечественные Записки», конечно, извратили мысль Добролюбова, приписав ему непонимание значения библиографии.

Добролюбов понимал, что в научной работе библиография играет большую роль — иначе он не приложил бы к своей статье обширных библиографических примечаний. Но Добролюбов считал, что не следует подменять библиографическими справками и голой фактографией подлинно научной работы и в особенности возмущался тем, что всякого рода библиографические и биографические статьи вытеснили в журналах настоящую литературную критику.

Таким образом Добролюбов уже в этой ранней статье на чисто академическую тему выступил в роли борца за революционно-демократическое направление в литературной критике. Его выступление в значительной мере было направлено и против либерально-буржуазных «Отечественных Записок». Именно в литературно-критическом отделе «Отечественных Записок», главным образом, и печатались те бесцветные историко-литературные статьи, над которыми посмеивался Добролюбов, и неудивительно поэтому, что редакция «Отечественных Записок» была склонна рассматривать всякий призыв к внесению социально-ценного содержания в литературную критику, как выпад против направления своего журнала. Всего за два года до полемики с Добролюбовым по аналогичным причинам вспыхнула полемика между «Отечественными Записками» и «Современником» из-за статьи Чернышевского «Об искренности в критике». И, конечно, такой опытный буржуазный журналист, как Краевский, который и в данном случае сразу понял, как много обещает в будущем новый сотрудник «Современника», не смог равнодушно отнестись к усилению идеологически враждебного ему журнала.

Весь описанный нами эпизод, оказавшийся только прелюдией к дальнейшим боям с Добролюбовым, приходится, таким образом, рассматривать, как одно из проявлений борьбы буржуазно-либеральных и революционно-демократических тенденций в русской журналистике.

Как мы уже указывали выше, настоящая литературная борьба с Добролюбовым началась в 1859 г.

В январской и апрельской книжках «Современника» за 1859 г. Добролюбов поместил статью «Литературные мелочи прошлого года». Статья была направлена против либералов, упивавшихся внезапно возникшей в России «гласностью». Добролюбов доказывал, что политическое значение этой «гласности» ничтожно, а практические ее результаты весьма невелики. Для того, чтоб доказать это, Добролюбов подробно излагал мнения, высказывавшиеся в русской консервативной и либеральной печати по важнейшим вопросам внутренней политики. Выводы получались самые печальные: оказывалось, например, что многие из статей по крестьянскому вопросу, напечатанные в русских журналах и газетах в момент наибольшего увлечения «гласностью» — в том числе и статьи, печатавшиеся в органах, претендовавших на либерализм, вроде «Отечественных Записок», — представляли собой беззащитное отстаивание классовых интересов владеющего крепостными крестьянами дво-

рянства. В других же областях печать «пробудившегося» общества, по словам Добролюбова, просто плелась в хвосте за властью, подымая вопросы о пользе различных преобразований лишь тогда, когда они уже были возбуждены правительством.

Наконец, возможность высказываться с большей, чем прежде, свободой об отрицательных сторонах русской жизни, по мнению Добролюбова, была использована русской печатью самым смехотворным образом. Так называемая «обличительная литература», по его словам, целиком погрузилась в изображение уездных властей и чиновников низших судебных инстанций. Все эти обличенья имели чрезвычайно мелочный и трусливый характер: нигде не указывалась тесная связь, существовавшая между представителями отдельных инстанций, не было вовсе попыток критиковать всю политическую систему в целом.

Основная мысль статьи Добролюбова заключалась в том, что русскому обществу нужна подлинно революционная публицистика и литература, и что такой публицистики и литературы еще нет. Статья «Литературные мелочи прошлого года» — одна из самых ранних статей Добролюбова, в которых он выступает в качестве идеолога крестьянской революции.

В той же апрельской книжке «Современника» одновременно со статьей «Литературные мелочи прошлого года» был помещен и очередной номер «Свистка», почти целиком написанный Добролюбовым; значительная часть этого номера также была направлена против либералов, превозносивших русскую «гласность». Ряд остроумных пародий, насмешливых фельетонов и юмористических стихотворений бил не в бровь, а прямо в глаз тогдашней либеральной публицистике.

Наконец в майской книжке «Современника» за тот же год Добролюбов поместил свою статью «Что такое обломовщина?». Роман Гончарова «Обломов» был использован Добролюбовым для новой атаки на русский дворянский либерализм, художественным воплощением которого Добролюбов считал наряду с Обломовым также и прежних литературных героев, — Рудина, Бельтова, Печорина и Онегина; образ Обломова, по мнению Добролюбова, являлся наиболее типическим образом, обобщавшим характерные черты той части дворянской интеллигенции, у которой благие порывы никогда не переходят в дело.

«Остановите этих людей в их шумном разглагольствовании, — говорил Добролюбов о таких представителях дворянской интеллигенции, — и скажите: вы говорите, что нехорошо то и то; что же нужно делать? Они не знают. Предложите им самое простое средство, — они скажут: «Да как же это так вдруг?»».

«Простое средство», на которое намекал здесь Добролюбов, — это, конечно, революция. Статья таким образом доказывала непригодность для «дела», т. е. для революции даже лучших представителей господствовавшего в то время класса.

Все это вместе взятое не могло не вызвать очень острой полемики. В России выпады против Добролюбова пошли главным образом в плоскости борьбы со «Свистком». Из-за границы же Добролюбов и в его лице «Современник» неоднократно получили сильный удар со стороны Герцена. История этого инцидента столько раз и так подробно освещалась в нашей научно-исследовательской литературе, что в настоящий момент трудно уже сказать по этому вопросу что-нибудь новое⁴.

Как известно, в 144-м листе «Колокола» от 1 июня 1859 г. Герцен напечатал очень резкую статью, которую он озаглавил «Very dangerous» («Очень опасно») и в которой не только резко критиковалась позиция, занятая Добролюбовым по отношению к современной ему русской литературе и публицистике, но даже делался намек на недобросовестность образа действий До-

бродюбова. «В последнее время в нашем журнализме стало повевать какой-то тлетворной струей, каким-то развратом мысли; мы их вовсе не принимаем за выражение общественного мнения, а за наитие наставительного и назидательного цензурного триумвирата», — такими словами начиналась статья Герцена. Смысл этих слов был крайне оскорбителен. Не довольствуясь этим оскорбительным намеком, Герцен заканчивал свою статью следующими словами: «Истощая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы наши забывают, что на этой скользкой дороге можно досвистаться не только до Булгарина и Греча, но и (чего боже сохрани!) до Станислава на шею».

Чтобы уяснить вполне политическое значение этого эпизода, напомним некоторые обстоятельства, характеризующие политическую позицию Герцена в это время. В. И. Ленин в своей заметке «Памяти Герцена» указывал, что после 1848 г. Герцен переживал состояние скептицизма и пессимизма, переживал настоящий духовный крах, который был крахом буржуазных иллюзий в социализме. «Герцен создал вольную русскую прессу за границей, в этом его великая заслуга, — говорит Ленин. — Но Герцен принадлежал к помещичьей барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которые теперь нельзя читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представившие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму»⁵.

Сказанного достаточно, чтобы объяснить выпад Герцена против Добролюбова. Добролюбов должен был показаться Герцену «свирепо-красным демократом», «холодным доктринером», который в своем узком доктринерстве впадает в грубые тактические ошибки, и которого необходимо одернуть и поставить на свое место.

Но всех исследователей, писавших об этом выпаде Герцена, приводила в недоумение та форма, в которую он вылился. Как известно, обвинение в подверженности влиянию комитета по делам печати, брошенное Герценом в начале статьи, настолько встревожило Некрасова, что он счел долгом специально командировать Чернышевского в Лондон для объяснений с Герценом.

После того, как Чернышевский приехал в Лондон и объяснился с Герценом, Герцен напечатал разъяснение, в котором заявил, что его слова о подверженности русских журналов «н а и т и ю» цензурного комитета были только ироническим предупреждением, а отнюдь не констатированием уже существующего факта.

Но как объяснить ту характеристику Добролюбова, как критика, которую дал в своей статье Герцен? Как известно, Герцен обвинял Добролюбова в том, что он отрицательно относится к обличительной литературе из эстетических соображений и придерживается принципа «искусство для искусства». «Чистым литераторам, людям звуков и форм», — писал Герцен, — надоело гражданское направление нашей литературы, их стало оскорблять, что так много пишут о взятках и гласности и так мало «Обломовых» и антологических стихотворений»⁶. Герцен защищал даже от предполагаемого презрения Добролюбова очерки Салтыкова-Щедрина и писал: «Вы воображаете, что все рассказы Щедрина и некоторые другие так и можно теперь гулом бросить с «Обломовым» на шею в воду? Слишком роскошничаете, господа!»⁷.

Откуда могли взяться такие странные обвинения? Ведь Добролюбов был ярким противником так называемой «эстетической критики» и уже по одному этому как будто не мог быть приверженцем теории искусства для искусства. Статья «Что такое обломовщина?», с которой полемизировал Герцен, была

написана публицистическим методом и начиналась с резкого выпада против так называемой «эстетической критики».

Как же в таком случае можно объяснить обвинение Добролюбова в эстетизме? Полагаем, что для ответа на этот вопрос, надо принять во внимание следующие обстоятельства. В «Современнике» в критико-библиографическом отделе в эпоху цензурного террора до середины 50-х годов господствовало течение аполитического эстетизма, представителями которого были Анненков, Боткин и Дружинин. А Добролюбов ведь печатался все-таки в «Современнике». К этому нужно добавить, что в начале своей литературной деятельности Добролюбов очень много писал о своем отрицательном отношении к так называемой тенденциозной литературе и неоднократно высказывал свое сочувствие литературным произведениям, обладавшим большими художественными достоинствами, прямо противопоставляя их так называемой «обличительной» литературе. Такой характер имел, например, его отзыв о драме Островского «Воспитанница» за 1859 г. (т. е. за несколько месяцев до статьи «Very dangerous»).

В начале этого отзыва Добролюбов жаловался на бедность талантливых произведений в русской беллетристике и при этом говорил: «В массе читающей публики интерес к легкой литературе поддерживался еще рассказами и очерками, посвященными разным общественным вопросам. Но строгие ценители, для которых общественные вопросы не были новостью, постоянно отделяли в этих произведениях живую общественно-полезную остроту от того, что, собственно, называется художественным талантом»⁸). И вслед за этим Добролюбов с удовлетворением отмечал, что текущий год (1859) начался для русской литературы блестящим образом, так как появились в печати произведения, способные удовлетворить «художественное чувство эстетически развитых читателей» — «Дворянское гнездо» Тургенева, «Обломов» Гончарова и «Проза» Островского.

В дальнейшем уже в статье «Что такое обломовщина?» Добролюбов, очень сочувственно отзываясь о художественном таланте Гончарова, особенно выдвигал то обстоятельство, что Гончарову чужда всякая тенденциозность и всякая задняя мысль; характеризуя творческий процесс писателей, подобных Гончарову, Добролюбов выставлял на первый план его спокойное и беспристрастное отношение к изображаемым явлениям, его внимание к мелким подробностям, его объективность и свободу от всяких «теоретических предубеждений», его большую восприимчивость к явлениям действительности, т. е. как раз те качества и свойства, которые обыкновенно выдвигала на первый план «эстетическая критика».

Самая возможность такого недоразумения, однако, весьма показательна. Упрек в эстетизме, брошенный Герценом Добролюбову, не мог бы иметь места, если бы Добролюбов, которого, как мы увидим ниже, очень много упрекали в тенденциозности и игнорировании художественности, действительно был тенденциозным критиком, игнорирующим художественную сторону литературных произведений.

Следует заметить еще, что по цензурным обстоятельствам Добролюбов не мог разъяснить в печати, в чем заключалась ошибка Герцена, и даже не мог упомянуть имени Герцена. Но уже М. К. Лемке в примечаниях к полному собранию сочинений Добролюбова, вышедшему в 1911 г. под его редакцией, указал, что рецензия Добролюбова на сборник «Весна», напечатанная в июньской книжке «Современника» за 1859 г., является замаскированным ответом Герцену⁹. «Нас многие обвиняют,—говорит в этой рецензии Добролюбов,— что мы смеемся над обличительной литературой и над самой гласностью, но мы никому не уступим в горячей любви к обличению и гласности, и едва ли найдется кто-нибудь, кто желал бы придать им более широкие размеры, чем мы желаем. Оттого ведь и смех наш происходит: мы хотим более цельного

и основательного образа действий, а нас потчуют какими-то ребяческими выходками да еще хотят, чтобы мы были довольны и восхищались».

Заявление Добролюбова, конечно, вполне соответствовало действительности: основанный по его инициативе в качестве отдела «Современника» «Свисток» в значительной степени и должен был удовлетворять этому назначению — придать обличению и гласности широкие размеры.

Как известно, вопреки опасениям Некрасова, выпад Герцена против Добролюбова ни в какой мере не отразился на престиже «Современника». Из мемуаров об этой эпохе видно, что на рубеже 60-х годов Чернышевский и Добролюбов приобрели совершенно исключительную популярность в среде радикально настроенных читателей и, в частности, в среде университетской молодежи¹⁰. Если в 1859 г. тираж «Современника» был равен приблизительно 5 500 экземплярам, то в 1860 г. он возрос до 6 000 экземпляров, т. е. увеличился сразу на 20%¹¹.

Однако статья Герцена, несомненно, отразилась на последующей полемике с Добролюбовым. Определение «Свистка», впервые употребленное Герценом — «особые балаганчики для освистывания первых опытов свободной литературы» — было, как увидим из дальнейшего изложения, подхвачено в России и постепенно вошло в обиход.

Впрочем у Герцена были и предшественники в этом отношении. Еще в начале апреля некий Н. Ч. поместил в «Московских Ведомостях» письмо в редакцию, в котором выражал свое возмущение по поводу телесных наказаний над крестьянами и при этом писал: «а у нас есть еще господа (см. в IV кн. «Современника» статью «Русская литература» и балаганный отдел)... под названием «Свистка»), без застенчивости печатающие, что наша литература, занимаясь вопросами о распространении грамотности, о телесных наказаниях и т. п., давая даже гласность некоторым общественным явлениям без прямого указания на лица, собственно повторяет только то, что и без нее известно! Впрочем, лучшая часть нашего общества умеет ценить этих господ по достоинству, и попытки литературного мальчишества и паясничества убить в литературе всякую живую связь с той средой, которой она служит органом, никогда не могут иметь успеха»¹².

Добролюбов ответил на этот выпад в третьем номере «Свистка» заметкой «Раскаianie Коhрада Лилиеншвагера», заканчивавшейся стихотворением «Мое обращение», в котором были такие строфы:

...Но от стихов моих шутовских
Я отвратил со страхом взор,
Когда в «Ведомостях Московских»
Прочел презрительный укор.
Я лил потоки слез нежданных
О том, что презрен я в Москве...

Этот шуточный ответ не выражал, конечно, подлинного отношения Добролюбова к подобным обвинениям, — подлинный ответ на них, как сказано выше, был дан в рецензии на сборник «Весна».

Перейдем теперь к истории дальнейшей полемики с Добролюбовым. Если уже выпад Герцена был в значительной степени вызван содержанием одного из номеров «Свистка», то последовавшая за ним полемика по преимуществу сосредоточилась вокруг этого отдела «Современника».

Однако выпады против «Свистка» были столько же многочисленны, сколько однообразны. Почти все противники «Свистка» говорили одно и то же, и разница заключалась только в большей или меньшей степени озлобленности. В этой крайней озлобленности нет ничего удивительного. Добролюбов считал, что всякая сатира и всякое обличение должны быть направлены против вполне определенных лиц, и ожесточенно боролся со всякого

рода анонимными обличениями. Этот принцип Добролюбов со всею решительностью и последовательностью начал проводить с первого же номера «Свистка», в котором он по разнообразным поводам задел целый ряд лиц, полностью называя их имена и фамилии. В прошении в цензурный комитет, составлявшемся в тот момент, когда еще предполагали придать «Свистку» характер самостоятельного органа, Добролюбов, между прочим, указывал, что в «Свистке» будут высмеиваться всякого рода забавные промахи и все современные происшествия, «замечательные в юмористическом смысле».

Как мы уже говорили выше, Добролюбов ставил себе задачей осмеяние буржуазного либерализма в печати. Весь второй номер «Свистка» был написан в этом направлении, при чем в одном только стихотворении «Наш демон» Добролюбов задел несколько человек: сотрудника «Отечественных Записок», умеренно-либерального публициста С. Громеку, начальника петербургских женских учебных заведений Вышнеградского, посредственного драматурга Львова, известного откупщика-капиталиста Кокорева, экономиста Вернадского, печатавшего статьи, в которых доказывалась необходимость уничтожения русской общины, автора патриотических виршей третьестепенного поэта Розенгейма, графиню Ростопчину и др.

В последующих номерах «Свистка» (четвертом, пятом и шестом) Добролюбов опять по самым разнообразным поводам задел много разных лиц — Н. И. Пирогова, который был в это время попечителем киевского округа и не сумел уничтожить телесные наказания в гимназиях (стихотворение «Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания не киевского округа»), того же Кокорева, известного историка и журналиста реакционно-славянофильского направления М. П. Погодина, поэта Случевского (скрывшись под псевдонимом «Аполлон Капелькин», Добролюбов зло пародировал его стихотворения в «Свистке» № 5 и 6). В «Свистке» № 4 была помещена стихотворная «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» с ядовитыми библиографическими примечаниями; в самой «Переписке» и в примечаниях были затронуты тот же Кокорев, экономист Бабст, директор коммерческого училища в Москве Киттары, известный славянофил А. С. Хомяков, Шевырев, Погодин, публицист «Отечественных Записок» Громека и поэт Щербина (перечисляя список женщин-писательниц, Добролюбов нарочно включил в него мужчин Громеку и Щербину), ученые профессора Чичерин и Забелин и многие другие.

Не следует, однако, думать, что Добролюбов ставил себе целью задеть и высмеять как можно больше лиц: его сатира, по существу, имела резко классовый характер.

Историческое значение «Свистка» заключается вовсе не в том, что Добролюбов удачно острил над неловкими промахами разных публицистов и профессоров: важен тот факт, что в том же «Свистке» Добролюбов умел, когда это было нужно, не только высмеивать, но также беспощадно разоблачать разные отвратительные явления современной ему действительности. В этом отношении наибольший интерес представляют выпады Добролюбова против известного капиталиста-откупщика В. А. Кокорева. Биржевые махинации Кокорева были разоблачены Добролюбовым в заметке «Материалы для нового сборника «образцовых сочинений (по поводу статей о «Сельском хозяйстве)», вошедшей в состав третьего номера «Свистка». А гнусные приемы эксплуатации рабочих, применявшиеся Кокоревым, были подробно и на основании документальных данных охарактеризованы Добролюбовым в заметке «Опыт отучения людей от лжи (отчего иногда люди мрут как мухи)», вошедшей в состав пятого номера «Свистка»¹³.

Как же реагировала на эти разоблачения и выпады Добролюбова современная ему «либеральная» журналистика? Журналистика эта не замедлила обнаружить свое классовое лицо.

В сентябрьской книжке «Отечественных Записок» за 1860 г. в отделе критики появилась заметка о «Свистке», имевшая характер доноса и прямо призывавшая к палочной или какой-нибудь иной расправе над Добролюбовым. Автор заметки выражал недвусмысленное сожаление по поводу того, что русское общество не выработало решительных мер борьбы с такими явлениями, как «Свисток». «Что если б подобный свист раздался,—не говорим в Германии и Англии,—но даже в теперешней Франции,—писал он,—как бы взглянуло на свистунов долго живущее литературой общество? Там бы оно ответило личной расправой, которая весьма действительна для лиц, скрывающихся под псевдонимами, а потом и общим презрением покрыло бы людей, которые глумятся без цели, смеются над тем, что их же вскормило».

Заканчивалась эта явно провокационная и погромная заметка утверждением, что и в России общество, в лице лучших своих представителей и журналов, должно защищать себя от оскорблений¹⁴.

Но этим дело не ограничилось. С начала 1861 г. Катков организовал в «Русском Вестнике» настоящую травлю «Современника», уделив при этом большое внимание «Свистку». В январской книжке «Русского Вестника» за 1861 г. была помещена заметка «Несколько слов вместо современной летописи», в которой сообщалось, что с начала 1861 г. в «Русском Вестнике» вводится критический отдел и будет отводиться больше места обзору современной журналистики. В связи с этим давалась отрицательная характеристика современной журналистике, при чем автор заметки (по всей вероятности сам Катков) делал довольно прозрачные намеки на «Современник» и особенно на «Свисток». «Ни одна литература в мире,—заявлял он,—не представляет такого изобилия литературных скандалов, как наша маленькая, скудная, едва начавшая жизнь литература, литература без науки, едва только выработавшая себе язык. Очевидно, что такого рода занятие литературой... —признак бессилия и выражение ничтожества... Выгодно ли будет для России, чтобы русская народность и русское слово оставалось позади всякой другой народности и всякого другого слова в Европе? Хорошо ли будет для России, чтобы мы оставались вечными мальчишками-свистунами, способными только на мелкие дела, на маленькие сплетни и скандалы... Когда же это русский язык, слагавшийся так долго и так трудно, как бы предназначенный к чему-то великому и всемирному, когда же окажется он в своей литературе достойным этого предназначения?.. Когда же перестанет этот язык чувствовать себя в положении малого школьника, занимающегося науками по указке и неспособного ни к чему, кроме свиста и визга?»¹⁵.

В заключение автор заметки не постеснялся заявить, что не откажется и впредь, как он выражался, от «полицейских обязанностей в литературе» и будет помогать добрым людям «в изловлении беспутных бродяг и воришек». Это обещание было исполнено. В мартовской книжке «Русского Вестника» была помещена заметка «Наш язык и что такое свистуны», в которой «Свисток» снова обвинялся в том, что он нападает на лица, которые не заслуживают «глупых поруганий», и высказывалось сожаление, что «низменные инстинкты эти не возбуждают никакой реакции» в литературе. Вслед за этим и в связи с развернувшейся кампанией против Чернышевского выпады против «Свистка» и «свистунов» печатались почти в каждом номере «Русского Вестника».

Само собой разумеется, что «Отечественные Записки», призывавшие общество чуть ли не к кулачной расправе с Добролюбовым, встретили эту кампанию с восторгом. В майской книжке «Отечественных Записок» в отделе современной хроники, Громека, над которым Добролюбов, как мы видели, иногда посмеивался в «Свистке», объявил о полной своей солидарности с «Русским Вестником» и со своей стороны добавил, что «свистуны» виновны

не только в тех прегрешениях, в которых обвиняет их «Русский Вестник», но в гораздо больших. «...Пусть бы и свистуны оскорбляли лица, сколько их душе угодно,— писал Громека,— мы за этим не стоим: на Руси это не в диковинку, иногда выходит даже очень смешно; но когда они бросают грязью в лучшие человеческие верования, когда они осмеивают всякое благородное увлечение, когда они прямо объявляют, что весь мир наполнен одними глупцами и негодьями и когда наконец знаешь, что все это делается из одного только фокусничанья и привлечения почтеннейшей публики, тогда мы понимаем, как далеко может простираться негодование и презрение к подобному художеству...»¹⁶

Довольно любопытную позицию в этой травле занял журнал Достоевского «Время». Сам Достоевский после появления в «Русском Вестнике» статьи Каткова «Несколько слов вместо современной летописи» сначала выступил против травли «Свистка»; в большой иронической статье «Свисток» и «Русский Вестник», помещенной в мартовской книжке «Времени», он защищал «Свисток» от обвинений «Русского Вестника», оговорившись, правда, что не разделяет убеждений «свистунов». Полемика Достоевского с Катковым по вопросу об отношении к «Свистуну» продолжалась и в майской книжке «Времени», где Достоевский в заметке «Ответ «Русскому Вестнику» очень удачно защищал «Свисток» от приведенных выше обвинений. «Свисток» по-нашему даже отчасти нормальное явление в литературе,— писал Достоевский,— он не хочет утешиться побасенками и разными приятными грезами. От деятелей он требует деятельности, а не тупого самодовольства. Он хочет называть каждую вещь своим именем, а не принимать журавля за соловья... Видя, что невозможно называть каждую вещь по имени, он предпочитает иногда посвистать, т. е. похотеть над самодовольными болтунами, над скоро удовлетворяющимися деятелями, над пошлым буквоедством, над литературным чинобесием и пр. и пр.»¹⁷

Однако «Время» очень недолго удержалось на этих позициях. Если сам Достоевский в начале 60-х годов еще обнаруживал некоторую двойственность убеждений, некоторые тактические колебания, то его соратники по журналу были гораздо прямолинейнее и, в частности, имели вполне определенную точку зрения на «Свисток» и «Современник». В августовской книжке «Времени» уже можно было прочитать статью Страхова «Нечто с полемики», в которой «свистуны» могли найти следующее рассуждение: «Кто мыслит и рассуждает, тот ничем не злоупотребляет; кто свистит, тот может злоупотреблять своим авторитетом, потому что действует бездоказательно, ибо свист есть бездоказательный приговор, бездоказательное осуждение»¹⁸.

В сущности все эти выпады были очень однообразны: их исторический интерес — только в том, что они иллюстрируют степень озлобления, до которой доходили противники Добролюбова.

Иной характер имела посмертная оценка «Свистка». Реакционный публицист 60-х годов Н. Соловьев поместил в 1865 г. в июльской и августовской книжках «Отечественных Записок» три статьи, в которых пытался охарактеризовать всю литературную деятельность Добролюбова; между прочим, он посвятил несколько страниц доказательству того положения, что литературная деятельность Добролюбова в «Свистке» имела будто бы самое неблагоприятное влияние на русскую литературу и на журналистику и чуть ли даже не на нравы русского общества.

При этом Соловьев находил даже, что деятельность Добролюбова в «Свистке» убила русскую поэзию¹⁹.

К этим обвинениям для полноты картины можно еще прибавить известный выпад Тургенева, содержащийся в его «Воспоминаниях о Белинском», опубликованных в апрельской книжке «Вестника Европы» 1869 г. Выпад

Тургенева заслуживает внимания между прочим потому, что Тургенев противопоставляет Добролюбову Белинского: «Еще одно замечательное качество Белинского как критика, — говорит он, — состояло в том, что он был всегда, как говорят англичане, *in earnest*: он не шутил ни с предметом своих разысканий, ни с читателем, ни с самим собою, а позднейшее столь распространенное глумление он бы отвергнул, как недостойное легкомыслие или трусость. Известно, что глумящийся человек часто сам хорошенько не дает себе отчета, над чем он трунит и иронизирует; во всяком случае он может воспользоваться этими ширмочками, чтобы скрыть за ними шаткость и неясность своих собственных убеждений. Человек свистит, хохочет. Поди, угадай, разумеи его речь, куда он ее гнет? Быть может, он смеется над тем, что точно достойно смеха, а быть может и над собственным смехом — зубы скалит»²⁰.

Почти все противники Добролюбова обвиняли его прежде всего в несерьезном отношении к серьезным фактам, в пустом хихиканьи; но уже Достоевский в своем ответе «Русскому Вестнику», как мы видели, правильно заметил, что шуточный тон давал Добролюбову возможность говорить с таких фактах, о которых невозможно было бы говорить серьезно по цензурным условиям (и, конечно, враги Добролюбова прекрасно знали это). Притом, изобличая действительно возмутительные явления, Добролюбов и в «Свистке» умел быть серьезным: примером может служить упоминавшийся нами его фельетон о Кокореве. Добролюбова обвиняли в том, что его пример вызвал множество подражаний и много способствовал расцвету русской сатирической журналистики; но это является скорее заслугой Добролюбова, — все зависит от точки зрения. Добролюбову противопоставляли Белинского, который якобы никогда не шутил, всегда был серьезен; но как будто Белинский не писал стоящих на грани памфлета и часто проникнутых веселой иронией заметок о Булгарине, о реакционном публицисте Лепольде Брандте, о Шевыреве и т. д.

О таких обвинениях, как обвинение в шаткости собственных убеждений, в том, что Добролюбов якобы сам не знал, чего хотел, теперь после всего, что мы знаем о нем, странно даже говорить: Добролюбов хотел крестьянской революции и вся его литературная деятельность направлялась этим основным стимулом.

А между тем приведенные выше рассуждения об отрицательных сторонах «Свистка» были усвоены и позднейшей русской критикой идеалистического толка и прежней академической наукой. Стоит прочитать главы, посвященные Добролюбову в книге А. Вольтского (Флексера) «Русские критики» (1896) или в «Истории русской критики» И. Иванова, и мы найдем там верное и точное воспроизведение той оценки «Свистка», которую дали в свое время Страхов, Соловьев и Тургенев. Даже аргументация осталась та же самая, ничего по существу не прибавлено.

Остановимся теперь на выпадах против Добролюбова, вызванных его статьями на общественные и политические темы. Из чисто публицистических статей Добролюбова наиболее страстному обсуждению в свое время подверглись его статьи против известного деятеля 60-х годов Н. И. Пирогова. Эпизод столкновения Добролюбова с Пироговым в общих чертах рисуется в следующем виде: известный хирург, педагог и общественный деятель Н. И. Пирогов в конце 60-х годов был назначен попечителем сначала Одесского, а потом Киевского учебного округа. Столкнувшись на практике с вопросом о допустимости телесного наказания в учебных заведениях, Пирогов не сумел побороть сопротивление наиболее отсталой, реакционной части

учительства и проявил совершенно недопустимый оппортунизм: в 1859 г. за его подписью были опубликованы «Правила о проступках и наказаниях учеников гимназии Киевского учебного округа», в которых после пространных рассуждений о нежелательности телесных наказаний в школе утверждалось, что в некоторых случаях розга все же необходима, и точно указывалось, за какие проступки сколько именно следует давать розог.

К моменту своего назначения на должность попечителя Пирогов пользовался огромной популярностью не только как выдающийся ученый, имеющий европейскую известность, но и как общественный деятель; при таких условиях его оппортунистический образ действий мог иметь особенно печальные последствия. Именно поэтому Добролюбов предпослал своей статье «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» эпиграф «И ты, Брут!..»

Смысл этой статьи заключался в том, что не следует доверять никаким авторитетам, потому что в условиях русской действительности даже такие люди, как Пирогов, могут позорно отступать перед представителями самой черной крепостнической реакции.

Казалось бы, за исключением явно реакционных органов, никакие журналы и газеты не должны были выступить против статьи, в которой доказывалось, что в таких вопросах, как вопрос о телесных наказаниях, всякие колебания и уступки позорны и преступны. И, действительно, сначала статья Добролюбова вызвала растерянность в лагере его противников и почти в течение года оставалась без ответа. Но весной 1861 г. Пирогов ушел в отставку, и это событие послужило поводом к тому, чтобы вспомнить о статье Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрешаемые розгами». В № 54 газеты «Русская Речь» появилось письмо в редакцию Драгоманова, в то время студента Киевского университета, а впоследствии известного украинского буржуазного демократа, публициста и эмигранта, обвинявшего Добролюбова в грубом и несправедливом оскорблении выдающегося общественного деятеля. Драгоманов не только не находил ничего предосудительного в оппортунистическом отношении Пирогова к вопросу о телесных наказаниях, но даже ставил ему его оппортунизм в заслугу. По мнению Драгоманова, Пирогов проявил большой такт, отказавшись от возможности единолично решить вопрос о допустимости телесных наказаний и подчинившись мнению реакционных педагогов. «Это подчинение коллегии, — писал Драгоманов, — не отрицательно, только хороший факт, не порок только²¹, но добродетель. Пирогов не только подчинился решению коллегии, которую созвал — он не хотел иначе действовать как посредством коллегии. На коллегиальном принципе была основана вся его деятельность — в этом его главная заслуга»²².

Таким образом неумение Пирогова сломить сопротивление реакционеров истолковывалось Драгомановым как истинный демократизм.

«Отечественные Записки» также именно в это время сочли нужным выступить в защиту Пирогова. В апрельской книжке этого журнала в «Заметках празднующающегося» мимоходом напоминалось читателю, что Пирогов год тому назад был предметом оскорбительной статьи Добролюбова²³.

Затем в майской книжке «Отечественных Записок» в отделе «Современной хроники» Громека после упоминавшегося уже выпада против «Свистка» делал, между прочим, такое замечание: «И есть люди, которые простодушно верят, что в этом фиглярстве скрывается глубокая, недосказанная мудрость!.. Куда же ведет эта мудрость, чего хочет, каких героев готовится для будущего? Можно поручиться, что из ее школы не выйдет ни одного Пирогова, можно быть уверену, что она никого не подвинет ни на какое общественное дело»²⁴.

Наконец в июньской книжке «Отечественных Записок» было напечатано письмо, подписанное псевдонимом «Е. Суд.» (Е. Судовщиков), в кото-

ром также бросалось Добролюбову обвинение в том, что он во имя либерализма и гуманности разрушил авторитет Пирогова.

«Бойкая статьяка Г-бова произвела свое желанное влияние даже на киевлян, — говорил автор этого письма, — на тех людей, которые могли бы, кажется, получше присмотреться к характеру общественной деятельности своего попечителя... Статьяка, по виду весьма гуманная и либеральная, соблазнительно подействовала на неопытную публику, подрывая во многих уважение к тому, кого она привыкла уважать»²⁶.

Автор письма оправдывал Пирогова точно таким же образом, как и Драгоманов. «Пирогов уступил большинству, — писал он; — за такие уступки его еще больше стали уважать люди, разумно следившие за ходом его общественной деятельности. Мы видели в Пирогове начальника, который уважает общее мнение, никому не навязывает своего». По мнению автора письма, если бы Пирогов поступил так, как этого требовал Добролюбов, т. е. своей властью изгнал бы розги, не считаясь с мнением педагогов, он оказался бы «щедринским озорником... благодаря неусыпному попечительству которого мужик понимает, что сам он ничего, и сход его ничего — и только просвещенный взгляд администратора может осветить этот хаос»²⁶.

На выпад Громеки, как в отношении «Свистка», так и в отношении статьи о Пирогове, ответил Чернышевский во второй статье своих «Полемических красот», помещенной в июльской книжке «Современника» за 1861 г. На утверждение Громеки, что из школы Добролюбова не выйдет ни одного Пирогова, Чернышевский отозвался так: «нет, не выйдет, потому что г. Пирогов старался связать вещи несовместимые, — розги с гуманностью; по-нашему что-нибудь одно: или секи или не секи, —

А смешивать два эти ремесла
Есть тьма охотников, мы не из их числа.

Г. Пирогов не виноват в том, что был непоследователен, он в такое время воспитался. Но стыдно было бы нам, если бы мы ставили свой идеал на том же уровне, на каком стоял он во времена воспитания г. Пирогова»²⁷.

Сам Добролюбов по достоинству ответил своим противникам статьей «От дождя да в воду», напечатанной в августовской книжке «Отечественных Записок» за 1861 г. Добролюбов, конечно, без труда разбил нелепое утверждение Драгоманова и Е. Судовщикова, что нельзя «насильно» приказывать учителям быть либералами. «Мы с вами, простосердечный читатель, думали до сих пор, что есть разница между положительными и отрицательными фактами, — писал Добролюбов, — оказывается, что никакой. Вы не допускаете вора стянуть ваш кошелек, — вы, значит, насильно заставляете его быть честным человеком, вам запрещают драться — хотя бы из вас насильно сделать либерала...»²⁸.

Что касается до упрека в оскорблении уважаемого общественного деятеля, то Добролюбов на него ответил указанием, что в его статье даже среди самых горячих тирад беспрестанно проглядывал мотив этой горячности, состоящий в том, что автор чрезвычайно высоко ценит Пирогова, и что именно такого-то человека и тяжело ему видеть слабеющим и падающим под гнетом среды, в которую поставлен²⁹.

Как известно, Чернышевский с начала 1858 г. предоставил Добролюбову отделы литературной критики и библиографии, а сам стал писать на общественно-экономические и чисто политические темы. Однако и Добролюбов поместил в «Современнике» несколько статей политического харак-

тера, из которых последние три — «Непостижимая странность», «Из Турина» и «Жизнь и смерть графа Камилла Бензо Кавура» — были посвящены политическим событиям, происходившим в это время в Италии.

Добролюбов проявил особый интерес к этим событиям по вполне понятным причинам: как раз в конце 50-х и в начале 60-х годов в Италии в результате продолжительного революционного движения быстро продвигался вперед процесс объединения самостоятельных итальянских государств. После побед, одержанных Гарибальди в 1860 г. над неаполитанским королем Франциском II, королевство которого с давних пор было оплотом феодальной реакции, в Неаполе был произведен плебисцит, в результате которого оказалось, что значительная часть населения неаполитанского королевства желает присоединиться к Пьемонту (Сардинскому королевству); в феврале 1861 г. в Турине собрался парламент, назначение которого заключалось в том, чтобы провозгласить сардинского короля Виктора-Эммануила королем объединенной Италии.

Добролюбов, уехавший за границу для поправления здоровья еще в мае 1860 г., и успевший уже побывать в Германии, Швейцарии, Франции и Италии, в январе 1861 г. вторично отправился в Италию из Ниццы, где он жил до этого, и в феврале находился как раз в Турине. Совершенно естественно, что Добролюбов не упустил случая описать в «Современнике» свои впечатления от тех исключительно важных политических событий, очевидцем которых он случайно оказался. Впечатления эти были описаны в статье «Из Турина», которую Добролюбов поместил в мартовской книжке «Современника» за 1861 г. под псевдонимом «Н. Т-нов».

Может быть, ни одна из статей Добролюбова не вызвала немедленно после своего появления в печати яростных откликов, как эта. Отчасти это понятно: в других политических статьях Добролюбов то разрушал теорию официальной народности, господствовавшую в царствование Николая I («Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым»), то высказывал свои симпатии к утопическому социализму («Роберт Овен и его попытки политических реформ»), то описывал феодальную реакцию в неаполитанском королевстве («Непостижимая странность»). Все это было еще сравнительно терпимо. Наоборот, в статье «Из Турина» Добролюбов очень ясно выразил не только свои классовые симпатии, но и свое резко отрицательное отношение к тому, что составляло и составляет идеал для буржуазных либералов всех стран и эпох: к буржуазному парламентаризму и конституционализму. В статье Добролюбова довольно подробно и довольно жестко описывались обычные для буржуазно-демократических, конституционных государств злоупотребления и мошенничества, имевшие место при парламентских выборах в 1861 г.: подкуп, фактическая невозможность агитировать за оппозиционных депутатов, распространение ложных слухов, искусственное сокращение состава избирателей в Неаполе, где масса населения была настроена более оппозиционно, чем в Сардинии и т. д. При этом Добролюбов резко критиковал не только правительство, виновное в предвыборных махинациях, но и оппозицию, которая, по его мнению, не позаботилась своевременно о своей популярности в народе.

Переходя к характеристике первого министра Кавура, Добролюбов ясно показывал классовое лицо этого государственного деятеля. Добролюбов утверждал, что власть приносит Кавуру не только почет, но и значительные материальные выгоды, и что Кавур — не только государственный деятель, но и буржуа-капиталист, отлично умеющий под видом защиты государственных интересов отстаивать свои собственные. В подтверждение этого Добролюбов приводил следующие факты: в таможенном тарифе, изданном во время пребывания Кавура у власти, была введена необычайно высокая пошлина на фосфор. Всем это казалось непонятным, пока не узнали,

что Кавур является пайщиком одной химической фабрики, изготовляющей преимущественно фосфор. Другой факт, сообщавшийся Добролюбовым, был еще одиознее: во время неурожая, когда цены на хлеб поднялись необычайно высоко, оказалось, что Кавур является главным акционером предприятия, спекулирующего на зерне и муке. Когда сведения об этом проникли в печать, перед великолепным домом Кавура собрались толпы голодного народа; Кавур приказал полиции разогнать их, при чем было произведено несколько арестов.

Для того, чтобы понять, какое впечатление могла произвести такая интерпретация событий, совершившихся в Италии, и такая характеристика Кавура на русского читателя начала 60-х годов, необходимо учесть, как изображала все эти события и как характеризовала Кавура буржуазная пресса того времени. С точки зрения буржуазных публицистов туринский парламент выражал подлинную волю итальянского народа, никакой классовой борьбы в Италии не было, между населением и правительством, которое возглавлял Кавур, существовало полное единство, а сам Кавур был выдающимся государственным деятелем и гениальным дипломатом. Добролюбов же давал такую оценку дипломатической деятельности Кавура:

«... Тут не то, что Гарибальди; ему говорят: «безумство итти на Сицилию», а он идет; грозят: «не смей трогать Неаполь», а он берет; кричат: «не ходи на Рим, а он говорит: «пойду»—и все знают, что он пойдет и на Рим и на Венецию, если без него Рим и Венеция не освободятся. Имея в виду подобных людей, движимых идеей и твердых в ней, и дипломатия принимается за ту же идею; но не в ее характере твердо итти к цели».

Смысл этого противопоставления хорошо истолкован в монографии Лебедева-Полянского «Н. А. Добролюбов». «Критик как бы спрашивает, — говорит автор монографии, — «кто же лучше, благороднее, за кем нужно итти, — за либералом Кавуром, который боится риска, лавирует между классовыми силами, предавая интересы народа, или же за Гарибальди, который осуществляет свою программу отважно, смело, не боясь потерять жизнь свою и своих товарищей. Параллель сделана так, что все симпатии на стороне Гарибальди». «Читая о графе Кавуре, — говорит Лебедев-Полянский, — русский человек... невольно приходит к выводу: а разве наши либералы лучше?»³⁰

Вероятно, именно по этой причине представители русской либеральной журналистики встретили статью Добролюбова «Из Турина» форменной истерикой. Впрочем выражение «истерика» еще недостаточно сильно для того, чтобы охарактеризовать реакцию русской либеральной журналистики на статью Добролюбова.

Конечно, больше всего неистовствовали «Отечественные Записки», этот оплот буржуазного либерализма. Политическое обозрение в этом журнале вел публицист Н. Альбертини, которого Чернышевский в своих «Полемических красотах» характеризовал, как человека, не обладающего твердым характером, и чрезвычайно склонного поддаваться всякого рода внушениям. Именно этот Альбертини уже в мартовской книжке «Отечественных Записок», т. е. непосредственно после выхода в свет «Современника» со статьей Добролюбова, разразился в своем политическом обозрении гневной тирадой о публицистах и политических обозревателях, которые не понимают, насколько серьезны их обязанности в стране, «где политические мысли и политические знания не в большом почете, где самый интерес к ним поддерживается искусственно».

«Мы ненавидим, — писал Альбертини, — наглые глумления над тем, что достойно, что благотворно, во что мы веруем, во что — мы позволяем себе думать — веруют и все, у кого душевная пустота не уничтожила «потребности живой веры...». «С легкой руки «Современника» легкомысленное отно-

шение к вопросам науки, жизни, ко всему тому, что мы считаем общественным делом, находит себе более и более подражателей... Неужели же русской публицистике суждено быть гаерством? Нет, этого быть не может!...»³¹

Альбертини, однако, не разъяснял читателям смысл всех этих намеков, предпочитая отложить это разъяснение до следующей книжки журнала. Но еще до выхода апрельской книжки «Отечественных Записок» статья Добролюбова стала предметом обсуждения в двухнедельном журнале «Русская Речь». В № 28 этого журнала появилась заметка «Нечто о невежестве в нашей литературе», автор которой возмущенным тоном заявлял: «едва ли в европейской литературе найдется несколько образчиков того безобразного тона в приговорах и суждениях, которыми отличаются наши так называемые публицисты». В качестве примера автор приводил статью Добролюбова «Из Турина» и, не затрудняя себя ни разбором этой статьи, ни какой-либо аргументацией, просто на-просто сравнивал Добролюбова с Булгаринным³².

Альбертини, принимаясь за окончательное сведение счетов с Добролюбовым в апрельской книжке «Отечественных Записок», встретил эту статью, напечатанную в «Русской Речи», просто с восторгом. Он приветствовал тот факт, что «Русская Речь» пришла к сознанию необходимости пустить в бой свои силы «против грубых гайдамаков, безнаказанно гарцующих в нашей журналистике, против невежества, гаерства, срамословия, скверномыслия».

Интересно, однако, какие доводы помимо совершенно бездоказательной ругани могли выдвинуть либеральные публицисты для того, чтоб доказать, что статья Добролюбова о Кавуре так возмутительна?

Доводы Альбертини заключались в следующем: Добролюбов оклеветал весь итальянский парламент, описав его как сборище идиотов и мошенников, а самого Кавура охарактеризовал как какого-то заурядного взяточника. «Кавур берет взятки!» — с возмущением восклицал Альбертини, намекая на приведенные нами выше разоблачения Добролюбова относительно связей Кавура с буржуазным деловым миром, — вы этому не верите? Прочитайте 205 страницу мартовской книжки «Современника», там г. Т-нов рассказывает, что Кавур в самом деле берет взятки»³³.

Общий смысл статьи Добролюбова Альбертини истолковывал следующим образом: «Есть в Европе один уголок, о котором существует в народе доброе мнение; там, в этом уголке божьего мира люди верят, имеют убеждения, увлекаются... «Современнику» нужно, чтоб ничего этого не было, чтоб все это было не больше как чистым вздором, порождением тупого идиотизма или младенческого легковерия...

И вот является «Письмо из Турина», в котором уже не помоями, — нет, этого мало, — а раствором асафетиды, какою-то такою гадостью, которой уже нет названия, облито все, что составляет славу современной Италии, чем она гордится... «Высокие доблести в итальянском народе! — где же они? Их нет, — говорит корреспондент «Современника», — есть только одно громадное мошенничество... Народ в Италии глуп, как и везде, он ничего не смыслит в том, что делается; его кругом обманывает Кавур и его кабальные и делают из него, что им хочется... Таков смысл статьи, а господствующий тон в ней, ее манеру передать невозможно. Это такой верх умственного и нравственного безобразия и цинизма, о котором трудно составить себе понятие, не понюхав одуряющего смрадного запаха самой статьи»³⁴.

Иступленный истерический тон Альбертини показывает только, как беспощадно разрушал Добролюбов иллюзии конституционализма и демократизма, вскрывая истинную классовую природу политических событий.

Добролюбов не был, конечно, марксистом, его учителями были идеологи домарковского социализма, но, как мы видим, он ясно понимал классовый смысл современных ему политических событий. Его статья «Из Турина» действительно представляет собой изумительный по исторической проницательности анализ событий, происходивших в Италии в 1860 и 1861 гг., и, именно за это, Добролюбова облили помоями буржуазные либералы. Истериические вопли их представляют собой не что иное, как выражение ужаса буржуазных умеренных демократов-конституционалистов перед откровенным изображением того, что представляет собой в действительности буржуазная «демократия».

Следует заметить, что Чернышевский не оставил без ответа выходку Альбертини. В своих «Полемиических красотах» он терпеливо и обстоятельно объяснил Альбертини, почему наивно считать Кавура таким великим государственным деятелем, каким его изображала буржуазная пресса. Чернышевский перечислял политические промахи и ошибки, которые Кавур допустил только в течение одного года, и приводил факты, иллюстрирующие лицемерное и двуличное отношение Кавура к Гарибальди.

«Вы живете в мире иллюзий, которыми уже почти никто не обманывается, — говорил в заключение Чернышевский, — желаем вам выйти поскорее из этого незавидного обольщения. А пока вы не вышли из него, «Современник» не будет вам нравиться. Вы лучше читайте пока «Историю государства Российского» Карамзина, похвальные слова Ломоносова, «Леонида» г. Р. Зотова, «Рославлева» и «Юрия Милославского» Загоскина — да и мало ли есть прекрасных книг!»³⁵.

Вскоре после этого Добролюбову снова пришлось говорить о Кавуре. 6 июня 1861 г. Кавур скоропостижно скончался; само собой разумеется, в буржуазной западно-европейской и отчасти в русской прессе появились некрологи, в которых эта потеря расценивалась, как бедствие для всего цивилизованного мира, а сам Кавур характеризовался, как величайший государственный деятель. «Современник», с своей стороны, отозвался на эту смерть двумя статьями: коротенькой статьей Чернышевского и пространной статьей Добролюбова «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура».

Эта статья делала совершенно бессмысленными всякие разговоры о «невежестве» Добролюбова, о том, что он унижает итальянский народ и т. д. Статья была построена на огромном фактическом материале. Добролюбов рассказывал русскому читателю всю жизнь Кавура от ранней юности до смерти; показывал, как формировалось его общественно-политическое мировоззрение, как проявлял он себя в качестве политического деятеля в различные периоды своей жизни, и вывод получался все тот же: Кавур был чисто буржуазным политиком, оппортунистом и врагом революции, а путь к власти и почестям ему расчистили настоящие герои борьбы за освобождение Италии в роде Гарибальди. Статья Добролюбова настолько изобиловала фактами, что после нее спорить с Добролюбовым было уже довольно трудно. Однако и эта статья Добролюбова ни в коей мере не действовала на представителей либерального течения в русской литературе. Это видно хотя бы из позднего отзыва Тургенева о статьях Добролюбова, посвященных Кавуру. В своих «Воспоминаниях о Белинском», напечатанных в «Вестнике Европы» в 1869 г., Тургенев так отозвался об этих статьях: «Белинский никогда бы не позволил себе той ошибки, в которую впал даровитый Добролюбов; он не стал бы, например, с ожесточением бранить Кавура, Пальмерстона, вообще парламентаризм, как неполную и потому неверную форму правления. Даже допустив справедливость упреков, заслуженных Кавуром, он бы понял всю несвоевременность (у нас в России

в 1862 г.) подобных нападений; он бы понял, какой партии они должны были оказать услугу, кто бы порадовался им»⁸⁶.

По мнению Тургенева, резкая критика буржуазного парламентаризма, до которой сумел возвыситься Добролюбов, критика слева, в русских условиях должна была оказать услугу представителям махровой реакции, сторонникам самодержавия и противникам всякой, даже самой умеренной конституции.

Если Тургенев действительно так думал, то это свидетельствует только о том, что он совершенно не понял настоящего смысла статей Добролюбова и его подлинной точки зрения.

Перейдем теперь к истории борьбы с Добролюбовым, как с литературным критиком. Чтобы понять крайнюю ожесточенность всех выпадов против литературно-критической деятельности Добролюбова, о которых нам сейчас придется говорить, нужно прежде всего учесть, что литературно-критическая деятельность Добролюбова протекала во время подготовки крестьянской реформы, в обстановке самой ожесточенной классовой борьбы, когда решался вопрос, удастся ли правительству надолго укрепить самодержавный строй посредством реформы, совершавшейся руками крепостников, или же, наоборот, непрекращающиеся крестьянские бунты выльются в крестьянскую революцию.

Журнальная полемика этого времени — в частности и полемика по чисто эстетическим и литературным вопросам — имела политический характер и определялась ходом классовой борьбы.

При этом нужно учесть еще следующее: как известно, уже в эпоху 30-х и 40-х годов в литературу и в журналистику начала входить новая сила — мелкобуржуазная интеллигенция, состоявшая из так называемых «разночинцев», т. е. из выходцев из духовенства и мещанства, мелких чиновников, деклассировавшихся помещиков и т. д. К числу этих разночинцев принадлежали и Чернышевский и Добролюбов, которые стали на позиции революционной демократии и стремились к крестьянской революции. Однако далеко не все литераторы-разночинцы становились на эти позиции: многие из них примыкали к буржуазно-дворянскому лагерю, возлагая все надежды на подготовляющуюся реформу и принципиально отвергая революцию. Реформизм и либерализм таких публицистов принимал иногда псевдодемократический и националистический оттенок, как у так называемых «почвенников», а иногда носил резко выраженный буржуазный, не только антиреволюционный, но и антисоциалистический характер.

Из дальнейшего изложения мы увидим, что именно идеологи буржуазного либерализма сыграли наиболее активную роль в борьбе с эстетической теорией Добролюбова и с его литературно-критическим методом. Это было вполне закономерно. Русской буржуазии, пережившей эпоху быстрого подъема в царствование Николая I, органически были чужды идеи всякого политического протеста, всякие попытки борьбы с русским самодержавием. Ограничение и тем более свержение царской власти резко противоречило интересам подымающейся русской буржуазии, которая на каждом шагу нуждалась в поддержке правительства, которая без этой поддержки просто не смогла бы существовать в феодально-крепостническом государстве. Правда, классовые интересы промышленной буржуазии требовали отмены крепостного права, но выход из положения идеологи русской буржуазии видели не в революции, а в подготовлявшейся крестьянской реформе. «Либералы так же, как и крепостники, — читаем мы у Ленина, — стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием вся-

кие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»⁸⁷.

С другой стороны, общеизвестно, что почти все большие литературно-критические статьи Добролюбова, — такие статьи, как «Что такое обломовщина?», «Темное царство», «Луч света в темном царстве», «Когда же придет настоящий день?», «Черты для характеристики русского простонародья» и др., — имели явно выраженный антиреформистский, антилиберальный характер. Добролюбов придавал им такой характер совершенно сознательно; в письме его к С. Т. Славутинскому, относящемуся к началу марта 1860 г., можно найти такие характерные строки: «Точно вы в самом деле верите, что мужикам будет лучше жить, как только редакционная комиссия кончит свои занятия... Мы знаем (и вы тоже), что современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни. Чтобы возбудить это воздействие хотя бы в той части общества, которая доступна нашему влиянию, нам надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давая отдыху до того, чтобы противно стало читателю такое море грязи..., чтобы он задетый за живое вскочил с азартом и вымолвил: «Да что ж это наконец за каторга! Лучше уж пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше». Вот чего надобно добиваться, и вот чем объясняется тон критик моих...»⁸⁸.

Понятно, какое раздражение должны были вызывать такие статьи в среде политических противников Добролюбова. Из выступлений этих противников прежде всего следует сказать о выступлении Аполлона Григорьева, представителя так называемого «почвенничества» и одного из самых оригинальных идеологов молодой русской буржуазии. Буржуазная ориентация Аполлона Григорьева ясно выразилась в его письме к известному славянофилу Кошелеву, где он между прочим писал: «убежденные, как Вы же, что залог будущего России коренится только в классах народа..., мы не берем таковым исключительно крестьянство: в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу видим мы старую извечную Русь с ее самобытностью, пожалуй, с ее подражательностью»⁸⁹.

Понимая таким образом идею «народности» в духе буржуазного национализма, Аполлон Григорьев искал воплощения этой идеи в художественной литературе. Творчество такого писателя, как Островский, — писателя, талантливо изображавшего быт и нравы русского купечества, должно было в этом отношении особенно импонировать Аполлону Григорьеву. В истолковании творчества Островского Аполлон Григорьев и столкнулся с Добролюбовым.

В 1859 г. Добролюбов напечатал в июльской и сентябрьской книжках «Современника» статью «Темное царство», представлявшую собой обстоятельный разбор вышедших к тому времени в свет пьес Островского. Статья имела боевой политический характер и произвела острое впечатление на читающую публику.

Начало ее представляло собой остроумный выпад против критиков, вкривь и вкось разбиравших творчество Островского и высказывавших совершенно несостоятельные суждения о его пьесах в течение десяти с лишним лет. При этом особенно досталось Аполлону Григорьеву: Добролюбов извлек из завешения его очень плохую элегию-оду: «Искусство и правда» (1854 г.), вызванную первым представлением комедии «Бедность не порок», и процитировал наиболее забавные места из этой оды, в которых герой пьесы Островского, опустившийся пропойца Любим Торцов, провозглашался представителем «чистой русской души» и ставился в укор «Европе старой» и Америке «беззубо-молодой, собачьей старостью больной».

При таких обстоятельствах по всем законам журнальной полемики следовало ждать соответствующего ответа от Аполлона Григорьева. Ответ этот

действительно был напечатан Аполлоном Григорьевым в нескольких номерах газеты «Русский Мир» за 1860 г. под заглавием «После «Грозы» Островского (Письма к И. С. Тургеневу)».

Аполлон Григорьев обвинил Добролюбова прежде всего в относительно-сти истолкования творчества Островского. Он понял, что в статье «Темное царство» Добролюбов поставил себе чисто публицистическую задачу, и решил использовать это обстоятельство для борьбы с Добролюбовым. Публицистических выводов, сделанных Добролюбовым, Аполлон Григорьев не оспаривал, а переносил вопрос исключительно в плоскость истолкования и оценки творчества Островского.

Аполлон Григорьев заявлял, что публицистический метод вообще несостоятелен, так как критики-публицисты обыкновенно следят только за теми деталями содержания литературных произведений, которые подтверждают их собственные теории. Все остальное их не интересует: так, например, Добролюбов в своей статье «Темное царство» должен был совершенно отказаться от критики художественных достоинств пьес Островского, потому что иначе он не мог бы сделать из этих пьес необходимые для него публицистические выводы. Статья Добролюбова построена на произвольном предположении, что пьесы Островского совершенно непогрешимы в художественном отношении, и что творчество этого писателя является абсолютно верным зеркалом действительности.

«Совершилось на глазах читателей одно из удивительнейших превращений», — писал Аполлон Григорьев, — драматург, которого обвиняли, — иногда без оснований, иногда с основаниями, — во множестве недостатков, недоделок и недосмотров; писатель... которому советовали преимущественно думать и думать, превратился из народного драматурга в чистого сатирика, в обличителя самодурства, но за то положительно был оправдан от всех обвинений. Все вины были взвалены на «Темное царство», сатирик же явился решительно безупречным»⁴⁰.

Впрочем, по мнению Аполлона Григорьева, Добролюбов игнорировал и художественные достижения Островского, и чрезвычайно обеднил и упростил содержание его пьес, подводя все под одну мерку — под обличение самодурства.

Аполлон Григорьев последовательно разбирал пьесы Островского «Семейная картина», «Свои люди, сочтемся», «Утро молодого человека», «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи как хочется», «В чужом пиру похмелье» и приходил к выводу, что многие из этих пьес Островского — не сатира на самодурство, а «поэтическое изображение целого мира с весьма разнообразными началами и пружинами», и что быт, изображенный в этих пьесах, показан Островским не сатирически, а с любовью и симпатией и даже с религиозным культом «существенно народного». «Самодурство — это только накипь, пена, комический осадок, — писал Аполлон Григорьев, — оно, разумеется, изображается поэтом комически, — да как же иначе его изображать? — но не оно ключ к его созданиям... Имя для этого писателя, для такого большого несмотря на его недостатки писателя — не сатирик, а народный поэт. Слово для разгадки его деятельности — не самодурство, а «народность». Только это слово может быть ключом к пониманию его произведений».

Не самодурство, а горькие и трагические стороны русской жизни являются темой пьес Островского, — вот основная идея Аполлона Григорьева. В виде примера он приводил опубликованную незадолго до появления его статьи пьесу «Гроза». «Имя сатирика, обличителя, писателя отрицательного весьма мало идет к поэту, который играет на всех тонах, на всех ладах народной жизни, который создает... страстно — трагическую задачу личности Катерины, высокое лицо Кулигина», — говорил Аполлон Григорьев.

Когда Аполлон Григорьев писал это, он, повидимому, был уверен, что «Гроза» Островского своим содержанием совершенно опровергла теорию Добролюбова. Однако, Аполлон Григорьев вовсе не учел силы публицистического таланта Добролюбова, не учел его способности делать нужные публицистические выводы на основе самого разнообразного литературного материала. На его утверждения, что появление «Грозы» опровергло будто бы все, что говорит Добролюбов о творчестве Островского, Добролюбов ответил статьей «Луч света в темном царстве»; статья эта показывала, что и «Гроза» Островского прекрасно может быть использована для тех публицистических выводов, которые уже были сделаны Добролюбовым в его «Темном царстве».

В начале этой статьи Добролюбов, отвечая Аполлону Григорьеву на его упреки, указал между прочим, что Аполлон Григорьев, считая главной особенностью творчества Островского «народность», нигде не говорит, что он собственно понимает под этим словом.

«Как будто мы не признавали народности у Островского, — писал Добролюбов. — «...Но мы не кричали про нее с восклицательными знаками через каждые две строки, а постарались определить ее содержание, чего г. Григорьеву не заблагорассудилось ни разу сделать. А если б он это попробовал, то, может быть, пришел бы к тем же результатам, которые осуждает у нас, и не стал бы попусту обвинять нас, будто мы заслугу Островского заключаем в верном изображении семейных отношений купцов, живущих по-старинке»⁴¹.

Предположение Добролюбова, что если б Аполлон Григорьев пожелал более детально проанализировать понятие «народность», то он, может быть, пришел бы к тем же самым результатам, как и сам Добролюбов, было, конечно, неосновательно. Вся сущность славянофильства и возникшего вслед за ним почвенничества заключалась в том, чтобы понимать под народностью совсем не то, что понимал под этим словом Добролюбов. Добролюбов понимал под «народностью» все творческие силы русского народа (в первую очередь, конечно, крестьянства), — в том числе и задавленную, но постоянно готовую прорваться способность к протесту и бунту. Именно такое понимание особенно четко проступает в статье «Луч света в темном царстве», где героиня «Грозы» Катерина охарактеризована, как протестантка против семейного гнета. Для Аполлона Григорьева, наоборот, «народность» — это совокупность чисто консервативных устремлений. Аполлон Григорьев смеется над утверждением, что среди представительниц «Темного царства» могут быть протестантки, и считает это утверждение страшной натяжкой.

Добролюбов не считал нужным детально останавливаться на всех обвинениях, которые выдвинул против него Аполлон Григорьев и опровергать их. Для него при создании этой статьи на первом плане стояли действительно публицистические задачи, и историческая ценность ее заключается вовсе не в удачной характеристике творчества Островского. «Он прежде всего дает, — говорит исследователь творчества Добролюбова Лебедев-Полянский, — общую картину русской действительности. Эта картина не менее красочна, сильна и убедительна, не менее страстна и волнующа, чем знаменитое письмо Белинского к Гоголю... Каждая строчка Добролюбова гневно и страстно кричит: эта жизнь должна быть разрушена. В переводе на политический язык это означает: «Долой самодержавно-крепостнический строй!»⁴².

Но для Аполлона Григорьева, как для идеолога консервативной торговой буржуазии и буржуазного националиста, именно такая характеристика крепостнически-самодержавной России была неприемлема. Аполлон Григорьев великолепно понимал политический смысл статьи «Темное царство». Правда, в статье «После «Грозы» Островского» Аполлон Григорьев ничего не говорит об этом, предпочитая вести борьбу исключительно в литературной пло-

скости. Но в своих письмах Аполлон Григорьев был откровеннее. Чрезвычайно интересно его письмо к М. П. Погодину от 29 сентября 1859 г., в котором Аполлон Григорьев сравнивает современную ему Россию с Россией начала XVII века, с Россией эпохи междоусобиц, и скорбит, что он видит везде изменников, «тушинцев, воровских людей», но не видит «земских людей, людей порядка, людей дела». «Воровские люди», «тушинцы» — это, конечно, передовые вожди революционной демократии, идеологи ненавистной для Аполлона Григорьева крестьянской революции. Добролюбов в их числе.

Что это действительно так, видно из того места письма, где Аполлон Григорьев, заявляя, что сам он —

«никогда не переставал быть православным по душе и по чувству, консерватором в лучшем смысле этого слова», противопоставляет себя «тушинцам». «Стеганул же их за первую выходку лондонский консерватор: не знаю, раскусит ли он всю прелесть статьи «Темное царство»⁴³, — пишет дальше Аполлон Григорьев в этом письме.

Мы видим таким образом, что, нападая на литературную сторону статьи «Темное царство», Аполлон Григорьев ожидал, что политическая идея этой статьи вызовет отповедь Герцена. Является вопрос, в какой мере были обоснованы выпады Аполлона Григорьева против литературной стороны «Темного царства». Правильно ли, что Добролюбов совершенно неудовлетворительно охарактеризовал художественное творчество Островского и, как утверждает Аполлон Григорьев, совершенно исказил смысл его пьес? Это можно было бы утверждать только в том случае, если бы Добролюбов приписал самому Островскому тот взгляд на русскую действительность, который лежит в основе статьи «Темное царство». Но Добролюбов был слишком проникновенен для того, чтобы повторить ошибку многих критиков (в том числе и самого Аполлона Григорьева), пытавшихся сделать из Островского выразителя их взглядов и теорий. В том-то и дело, что Добролюбов в отличие от других критиков резко разграничил эти две проблемы: характеристику мировоззрения писателя и выяснение объективного, независимого от намерений писателя смысла и значения его произведений.

В первой же главе статьи «Темное царство» Добролюбов с иронией отмечал все противоречия и неувязки в суждениях русских критиков западнического и славянофильского лагеря об Островском и при этом говорил: «причина безалаберности, господствующей в суждениях об Островском, заключается именно в том, что его хотели сделать представителем известного рода убеждений и затем карали за неверность этим убеждениям или возвышали за укрепление в них и наоборот». Далее Добролюбов прямо указывал, что он не считает Островского последовательным писателем, обладающим вполне четкой идеологией. «Его литературная деятельность», — говорил Добролюбов об Островском, — не совсем чужда была тех колебаний, которые происходят вследствие разногласия внутреннего художнического чувства с отвлеченными, извне усвоенными понятиями... Но сила непосредственного художнического чувства не могла оставить автора, и потому частные положения и отдельные характеры, взятые им, постоянно отличаются неподдельной истиной».

По мнению Добролюбова, чувство художественной правды постоянно спасало Островского и он часто как-будто отступал от своей идеи из желания остаться верным действительности. Характеризуя идеологию Островского на основании его пьес, Добролюбов вовсе не утверждает, что Островский — самый передовой из русских писателей. Наоборот, Добролюбов посмеивается над критиками-западниками, которые к величайшему своему изумлению заметили, что Островский, сравнивая старинные начала русской жизни с новыми началами европеизма в купеческом быту, постоянно скла-

няется в сторону первых. Сам же Добролюбов характеризует идеологию Островского следующим образом: «... теперь уже для всякого читателя ясно, что Островский — не обскурант, не проповедник плетки, как основания семейной нравственности, не поборник гнусной морали, предписывающей терпение до конца, равно как и не слепой ожесточенный пасквильянт, старающийся во что бы то ни стало выставить на позор грязные пятна нашей жизни». Другими словами, Добролюбов вовсе не стремится сделать из Островского исключительно сатирика и обличителя, искусственно подводя содержание его пьес под свою «теорию», т. е. под свое представление о России, как о темном царстве, как о стране, в которой необходима революция. Сам же Аполлон Григорьев во втором своем «письме» вынужден был признать, что по крайней мере некоторые пьесы Островского давали достаточный материал для публицистических выводов Добролюбова⁴⁴. Следовательно, Добролюбову не было надобности прибегать к таким натяжкам, в которых его обвинял Аполлон Григорьев.

Далее, как мы видели, Аполлон Григорьев ставил в особую вину Добролюбову игнорирование художественных недочетов Островского. Действительно, Добролюбов совершенно сознательно отказался от детальной оценки пьес Островского, считая, что именно эта задача более или менее удовлетворительно решена уже предшествующими критиками. При этом Добролюбов все-таки резюмировал результаты работ этих критиков, указывая, что почти все критики, писавшие об Островском, признают самыми отличительными особенностями его таланта дар наблюдательности, умение представить верную картину быта тех сословий, представителей которых он изображает, меткость и верность народного языка и склонность изображать совершенно обыденные, ничем не возвышающиеся над окружающей их пошлой средой характеры. Добролюбов отмечал и недостатки пьес Островского, правильно установленные предшествующими критиками: недостаточность экономии в плане и в построении пьесы, неумение органически слить интригу пьесы с ее идеей и развивать драматическое действие последовательно и непрерывно, слишком случайные и не вытекающие из хода действия развязки. Но Добролюбов, действительно, не считал нужным подробно развивать или проверять все эти утверждения, заявив: «...К сожалению мы не чувствуем в себе призвания воспитывать эстетический вкус публики ...представляя это гг. Алмазову, Ахшарумову и им подобным. Мы изложили здесь только те результаты, которые дает нам изучение Островского относительно изображаемой им действительности». Таким образом Добролюбов сосредоточил все свое внимание на той проблеме, которая с его точки зрения меньше всего была разрешена предшествующей критикой.

Следует заметить, что после появления статьи Добролюбова «Луч света в темном царстве», Аполлон Григорьев почувствовал, что он потерпел поражение. Письмо Аполлона Григорьева к Страхову от 18 июня 1861 г. полно безнадежности, — и он прямо говорит в этом письме, что пока в русской литературе господствуют люди, подобные Добролюбову, «честному и уважающему свой образ мыслей писателю нельзя обязательно литературствовать — негде! Рано или поздно мысль его или форма его «мысли» встретят сильный толчок»⁴⁵. Таким толчком, очевидно, было неожиданное появление статьи Добролюбова «Луч света в темном царстве», имевшей огромный успех у читателей 60-х годов.

Перейдем теперь к обзору высказываний тех противников Добролюбова, которые оспаривали его эстетическую теорию и пытались опорочить его критический метод, используя для этого уже не какую-либо отдельную его статью или цикл статей о каком-либо писателе, а всю его литературно-критическую продукцию, которая была им известна. Именно эти высказывания представляют наибольший интерес для нас, — так как они на долгое время

удержались в обиходе домарксистских историков литературы, которые брали их за основу при оценке критического метода Добролюбова. (Для примера можно назвать оценки этого метода, содержащиеся в упоминавшихся трудах Вольнского и И. Иванова.)

В 1861 г. Ф. М. Достоевский напечатал в февральской книжке «Времени» статью «Г-бов и вопрос об искусстве», представлявшую собой критику эстетических принципов Добролюбова. Эта статья была первым по времени развернутым выступлением против всей критической системы Добролюбова. Что такую статью написал Ф. М. Достоевский, защищавший только за год до этого Добролюбова от нападков Каткова, удивляться не приходится. Позиция, занятая Достоевским на рубеже 60-х годов, была двойственна; отрицательное отношение к дореформенным порядкам и вражда к идеологам феодальной реакции, заставлявшая Достоевского полемизировать с Катковым, уживались в его сознании с отрицательным отношением к революционному движению и к классовой борьбе. Катков для него был недостаточно демократичен, а демократизм Добролюбова представлялся ему уже слишком опасным.

Политическая позиция Достоевского в 1861 г. — это позиция убежденного либерала-реформиста, верящего в благодетельность идущей сверху реформы и считающего, что в России невозможна и ненужна классовая борьба. Эту точку зрения Достоевский выразил в статье, напечатанной в январской книжке журнала «Время» за 1861 г. под заглавием: «Ряд статей о русской литературе. Введение». В этой статье Достоевский, полемизируя с представителями западно-европейского цивилизованного мира, заявляет, что в России давно уже есть нейтральная почва, на которой сливаются все сословия, «мирно, согласно, братски», и что всякий русский — прежде всего русский, а потом уже принадлежит к какому-нибудь сословию. «И начало этому порядку положено уже давно, — говорит Достоевский, — с незапамятных времен, и последнее, внешнее к тому препятствие уже уничтожается в наше время премудрым и благословенным царем, благословенным из благословенных на веки веков за то, что он для нас делает»⁴⁶.

Вся сущность так называемого почвенничества, на котором сошлись Достоевский и Аполлон Григорьев, заключалась в этом реакционном по сути признании своеобразия русского исторического процесса, в этом исключении классовой борьбы и подмене ее классовым миром на основе культурного влияния, оказываемого представителями привилегированных классов на трудящиеся массы.

Понятно, что литература и искусство должны были играть огромную роль в этом обрисованном Достоевским идеальном царстве классового мира и содружества, именно они должны были в первую очередь содействовать примирению и объединению враждующих классов на базе взаимного понимания. Уже на этой почве могло произойти столкновение Достоевского с Добролюбовым, ставившим литературе как раз противоположные задачи. Но, как увидим из дальнейшего изложения, Достоевский в своей статье «Г-бов и вопрос об искусстве» тщательно прикрыл чисто-политическую сторону своего расхождения с Добролюбовым, чтобы с тем большей силой обрушиться на его литературную деятельность. Это было, конечно, только тактическим приемом.

В сентябре 1861 г. Добролюбов умер, не успев дать исчерпывающий ответ Достоевскому. Смерть Добролюбова, приключившаяся в момент чрезвычайного обострения полемики с «Современником», послужила сигналом для новых необыкновенно наглых выпадов против него. Из всего, что было напечатано в это время, особенного внимания заслуживает статья буржуазного публициста А. Е. Зарина «Небывалые люди», появившаяся в январской книжке «Библиотеки для Чтения» за 1862 г. и представлявшая собой попыт-

ку опорочить литературно-критический метод Добролюбова, исходя из разбора всей его литературно-критической деятельности.

Через три года подобную же попытку дискредитировать Добролюбова как критика повторил уже на страницах «Отечественных Записок» другой буржуазный публицист 60-х годов Н. Соловьев, напечатавший в апрельской, июльской и августовской книжках этого журнала целых пять статей под заглавием «Вопрос об искусстве»; в этих статьях давалась отрицательная оценка эстетических принципов Чернышевского, Добролюбова и Писарева, при чем довольно подробно характеризовался литературно-критический метод Добролюбова.

Следует заметить, что в качественном отношении статьи Достоевского, Зарина и Соловьева стояли далеко не на одинаковом уровне: статья Достоевского была написана с гораздо большей силой и внешней убедительностью, чем последовавшие за ней статьи Зарина и Соловьева. Достоевский с самого начала оговаривался, что признает литературный талант Добролюбова и придает его деятельности огромное значение, и заявлял даже, что основное начало убеждений Добролюбова справедливо и возбуждает симпатии публики. Зарин и Соловьев никаких оговорок не делали и никаких положительных сторон в литературной деятельности Добролюбова не видели.

Тем не менее статьи Достоевского, Зарина и Соловьева приходится рассматривать в связи друг с другом, так как во всех этих статьях развиваются в сущности одни и те же мысли, и разница заключается только в приемах аргументации.

И Достоевский, и Зарин, и Соловьев прежде всего обвиняли Добролюбова в том, что он смешивал задачи публициста с задачами художественного критика. «Г-бов — теоретик, — писал Достоевский: — иногда даже мечтатель и во многих случаях плохо знает действительность; с действительностью он обходится подчас чересчур уж бесцеремонно: нагибает ее в ту или другую сторону, как захочет, только б ставить ее так, чтобы она доказывала его идею»⁴⁷.

Ту же мысль мы находим в статье Зарина. «Критический способ Г-бова относиться к писателям в «Библиотеке для Чтения» слишком известен, — пишет он: — он преимущественно, если не совершенно исключительно смотрел на них как на случай написать собственное исследование о предмете данного произведения, и он, главным образом, свои похвалы и порицания соизмерял с этим, со степенью благоприятности или неблагоприятности случая, который представлялся ему к выражению его собственных гуманных мыслей»⁴⁸.

«Недостаток этих статей, — писал через два года Н. Соловьев, разбирая литературно-критические статьи Добролюбова, — не в отдельных мыслях, а в общем и совершенно неудавшемся стремлении придать широкий политический смысл явлениям обыденной жизни... Выводы Добролюбова из художественных произведений объясняли большею частью нечто другое, а не талант автора, который таким образом после его критики не выигрывал в своем влиянии на общество»⁴⁹.

Противники Добролюбова твердо были убеждены в том, что публицистика и критика — совершенно различные сферы деятельности, которые не должны смешиваться ни при каких обстоятельствах. «Сфера деятельности публициста и критика различна, — писал Н. Соловьев. — Две деятельности эти, положим, могут сталкиваться, но никогда не должны сливаться в одно, — иначе они взаимно друг друга уничтожают, критика переходит в крик».

Для критика, пользующегося публицистическим методом, важнее всего мысль, содержащаяся в произведении, его идея, а всем остальным он должен пренебрегать — так рассуждали противники Добролюбова. Поэтому

они обвиняли Добролюбова в пренебрежении к художественности и в непонимании значения литературной формы.

«...Художественность есть самый лучший, самый убедительный, самый бесспорный и наиболее понятный для массы, — писал Достоевский, — способ представления в образах именно того самого дела, о котором хлопочете вы, самый деловой если хотите вы, деловой человек. Что же вы ее презираете и преследуете, когда ее именно нужно поставить на первый план прежде всяких требований?.. Ведь и в дельном человеке мало пользы, если не умеет высказаться... Писатель без таланта — тот же хромой солдат. Неужели вы предпочитаете для выражения вашей мысли заику?».

Зарин после смерти Добролюбова повторил это обвинение. «У Г-бова, — читаем мы в его статье, — не один раз можно было встретить прямое и положительное признание, что он и знать-то не хочет, есть ли у писателя умение обращаться с жизненными явлениями, то есть дарование, что такими тонкостями он предостерегает заниматься празднословом, не знаящим что делать из своих бесполезных досугов, а что для него важнее всего явление, подмеченное писателем в жизни...». И в дальнейшем Зарин обвинял Добролюбова в непонимании той простой истины, что литература оказывает такое сильное воздействие на общество именно в силу тех совершенно специфических особенностей, которые отличают литературно-художественные произведения от публицистических или научных работ.

С точки зрения противников Добролюбова публицистический характер его критики неизбежно должен был приводить и к неправильной оценке художественных произведений. По мнению Достоевского и Зарина, Добролюбов искал во всех литературных произведениях прежде всего подтверждения своим социально-политическим идеям. Поэтому он неизбежно должен был допускать двоякого рода ошибки: во-первых, недооценивать выдающиеся высокохудожественные произведения, которые не давали ему материала для его публицистических выводов; во-вторых — переоценивать малохудожественные и посредственные литературные произведения, которые ему такой материал давали.

Обвинение в недооценке выдающихся литературных талантов и высокохудожественных произведений русской литературы впервые наметилось в статье Достоевского. В первой половине статьи Достоевский сначала говорит о так называемых «утилитаристах», т. е. о критиках, считающих, что «искусство должно служить человеку прямой, непосредственной практической и даже определенной обстоятельствами пользой». Достоевский обвиняет этих «утилитаристов», к числу которых он относит и Добролюбова, в том, что им будто бы даже особенно приятно позлиться на иное литературное произведение, если в нем главное достоинство — художественность. «Они, например, ненавидят Пушкина», — пишет Достоевский: — называют все его вдохновения вычурами, кривляниями, фокусами и фиоритурами, а стихотворения его — альбомными побрякушками. Мы вовсе не преувеличиваем. Все это почти ясно выражено Г-бовым в некоторых критических статьях его прошлого года. Заметно еще, что Г-бов начинает высказываться с каким-то особенным нерасположением и о г. Тургеневе, самом художественном из современных русских писателей».

Таким образом Достоевский обвинил Добролюбова в недооценке творчества Пушкина и Тургенева; Зарин пошел еще дальше и обвинял его уже в том, что он своей недооценкой творчества некоторых великих писателей способствовал оскудению русской литературы. «Мы принимаем в расчет все возможные точки зрения, — писал Зарин, — и все-таки не видим, с какой из них логическим путем можно дойти до того, чтобы признать добром обнищание родной литературы, потому что узаконивать ее односторонность

и из любви к маленьким именам стараться уронить великие⁵⁰ — значит добиваться ее обнищания, как какого-нибудь блага».

Н. Соловьев еще более заострил все эти упреки и обвинил Добролюбова в том, что он никогда не заботился о литературном росте поэтов и художников, а всегда старался заслонить их собою.

С обвинением в недооценке Пушкина, Тургенева и других выдающихся писателей теснейшим образом было связано обвинение в переоценке малоодаровитых писателей, произведения которых давали Добролюбову благодарный материал для его публицистических выводов. Инициатива и в данном случае исходила от Ф. М. Достоевского. Его статья «Г-бов и вопрос об искусстве» была в основном направлена против статьи Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья», представлявшей яркую картину крепостного быта, которая разворачивалась параллельно с разбором рассказов украинско-русской писательницы Марко Вовчок (Н. Маркович).

Достоевский восстал в своей статье прежде всего против той оценки художественных достоинств рассказов Марка Вовчка, которую дал Добролюбов, и доказывал, что рассказы Марка Вовчка совершенно бездарны. Яростно напал Достоевский на один из этих рассказов, о котором Добролюбов отозвался с наибольшим сочувствием, — на рассказ «Маша», представлявший собой историю крепостной девушки, которая долго не желала работать на барщине из-за отвращения к подневольному состоянию и рьяно взялась за работу, как только у ней появилась надежда выкупиться на свободу. Достоевский утверждал, что этот рассказ Маркович ниже всякой критики, что он представляет собой неправдоподобное, уродливое и бестолковое произведение. Следовательно, Добролюбов, высоко оценивающий бездарные рассказы, не понимает, какое значение в литературе имеет художественность. «Поймите наше главное, — пишет Достоевский, обращаясь к Добролюбову: — Мы на Марка Вовчка нападаем вовсе не потому, что он пишет с направлением, но... мы именно за то нападем на автора народных рассказов, что он не умел х о р о ш о сделать свое дело, сделал его дурно и тем повредил делу, а не принес ему пользу».

В искренности этого утверждения Достоевского, впрочем, можно усомниться. Вряд ли Достоевский был так уж заинтересован в успехе того дела, которое должны были, по мысли Добролюбова, сделать рассказы Марка Вовчка. «В личности Маши», — писал Добролюбов о героине высмеянного Достоевским рассказа, — схвачено и воплощено стремление, общее всей массе русского народа. А если потребность восстановить независимость личной жизни существует, то во всяком случае она проявится в фактах народной жизни».

Ясно, что Добролюбов и здесь, как во многих других своих статьях, намекал на активное противодействие крестьян феодалам-крепостникам, которое может перерасти в крестьянскую революцию. А Достоевский даже отказывается верить, что в России есть крепостники-феодалы, недовольные идущей свыше реформой. «Не понимаю, про каких это людей говорит Г-бов, — заявляет он, — и много ли он таких нашел?» Как относился в начале 60-х годов Достоевский к идее крестьянской революции, можно судить по его собственному рассказу, имеющемуся в «Дневнике писателя» за 1873 г. в главе «Нечто личное». Достоевский рассказывает здесь о том, как он однажды нашел у дверей своей квартиры революционную прокламацию «К молодому поколению» и настолько возмущился и взволновался, что немедленно отправился к Чернышевскому, чтобы выразить ему свой протест и уговорить его воздействовать соответствующим образом на составителей прокламации. Что такой визит Достоевского к Чернышевскому действительно имел место, видно из опубликованного в 1928 г. отрывка из воспоминаний Чернышевского⁵¹.

Но как бы то ни было, у Достоевского упрек в переоценке творчества отдельных писателей опирался все-таки на какие-то конкретные факты, хотя бы и неверно истолкованные; наоборот, Зарин и Соловьев в своей посмертной оценке уже голословно повторили этот упрек и еще более заострили его, обвинив Добролюбова уже в намеренном потакании бездарностям и поощрении грубой тенденциозности. Последнее и самое тяжкое из обвинений, возводившихся на Добролюбова Достоевским, Зариным и Н. Соловьевым, — это обвинение в том, что Добролюбов вообще оказывал скверное влияние на писателей и способствовал снижению художественного уровня русской литературы.

Пытаясь доказать это положение, критики Добролюбова (в особенности Зарин и Соловьев) поусердствовали во всю и не остановились ни перед извращением фактов, ни перед явной клеветой. Достоевский предъявил Добролюбову обвинение в стеснении свободы творчества, в стремлении насиловать свободную волю писателя. «Теперь надо писать не про маркиза Позу, а про свои дела, про известные вопросы, про гласность, про полезность, про Крутогорск, про темное царство, — так определял Достоевский требования, предъявляемые Добролюбовым к современной ему литературе и вслед за этим начинал поучать его: — ...определить, что именно надо и что не надо на вес или на цифры, довольно трудно; можно загадывать, можно рассчитывать, позволительно и законно требовать на деле... Но писать в «Современнике» указы, но требовать, но предписывать — пиши, дескать, вот непременно об этом, а не об этом — и ошибочно и бесполезно... Гадайте, желайте, доказывайте, подзывайте за собой, — все позволительно, но быть деспотом непозволительно...»

В качестве примера «деспотизма» Добролюбова Достоевский приводил его отзыв о стихотворениях Никитина. Никитин, по словам Достоевского, желал итти вслед за Пушкиным, видел в нем свой «хлеб духовный», а Добролюбов своею статьей запретил ему это, предписал ему взамен этого описывать «нужды и потребности своего сословия» и таким образом обошелся с поэтом «деспотически».

Обвинение же в дурном влиянии на литературу было также намечено Достоевским в следующих словах: «Конечно, робкого народу у нас много — беда как иные боятся критики да и самолюбие: отстать от передовых не хочется — вот и пишут с направлением, да как пишут-то не по-своему вдохновению, то и выходит все почти дрянь...»

Зарин также обвинял Добролюбова в стремлении подчинить художественное творчество русских писателей узко-тенденциозному направлению и в деспотизме: «Есть что-то чересчур недальновидное, противоречивое, недодуманное, — писал он, — в этом болезненном желании видеть все душевные порывы загнанными в одну колею, все работающие силы посаженными на обочное положение».

А Соловьев, писавший свою статью в 1865 г., уже красноречиво описывал печальные последствия господства добролюбовского метода. «Вся современная беллетристика есть чистая искусственность, — писал Соловьев, — и чистое неумение авторов пользоваться своими способностями. Одни пишут вести не потому, чтобы у них было дарование, а потому, чтобы легче скрыть в своих повестях слабые публицистические способности. Если бы последние не были слабы, им бы в голову не пришло взяться за беллетристику, которую они не уважают. Другие же, напротив, имеют способность наблюдать, группировать явления, изображать характеры; но им засела в голову чужая идея, — они и гнут под нее. Если бы это была их идея, то она, будучи сообразна с способностями, и гармонировала бы с рассказом. Но в том то и беда, что у гг. Решетникова, Михайлова и др. нет своих идей, или они не хотели, не смели вывести их из сделанных ими наблюдений».

Из дальнейшего изложения мы увидим, в какой мере правилен был предъявленный Добролюбову упрек в поощрении тенденциозного творчества. Пока же заметим, что приведенное выше упоминание о Решетникове и Михайлове не менее характерно, чем яростные выпады Достоевского против рассказа Марко Вовчок. Н. Соловьев делает Добролюбова ответственным за направление литературной деятельности писателей революционной демократии. Этим самым он раскрывает в сущности классовый смысл своих выпадов против литературно-критического метода Добролюбова.

Уничтожение крепостного права было проведено в интересах промышленного капитала. Критики-публицисты, выражавшие буржуазно-капиталистические тенденции в журналистике, должны были ставить себе задачу полной дискредитации творчества писателей революционной демократии, потому что эти писатели протестовали не только против пережитков крепостничества, но и против капиталистической эксплуатации. И вот мы видим, что если для Достоевского неприемлемо антикрепостническое содержание рассказов Марка Вовчка, то для Соловьева, печатавшего свои статьи о Добролюбове в 1865 г., неприемлем уже Решетников, повесть которого «Подлиповцы», напечатанная в «Современнике» за год до этого, описывала эксплуатацию бурлаков на Волге и могла пробудить в читателе антикапиталистические и антибуржуазные мысли и настроения. Все дело в том, что Соловьев расценивает и литературную деятельность Решетникова, и литературно-критическую деятельность Добролюбова с точки зрения той части интеллигенции, которая целиком стала на позиции капитализма, на позиции буржуазии. Борьба с антикапиталистическими тенденциями в художественной литературе и в литературной критике ведется под флагом защиты чистой художественности, но совершенно ясно, что она ведется из чисто классовых побуждений. Если Аполлон Григорьев и Достоевский, выступавшие против Добролюбова, — первый в момент подготовки, второй — в момент осуществления крестьянской реформы, старались парализовать антиреформистскую революционную деятельность Добролюбова, то Зарин и Соловьев, выступившие уже после реформы, как бы стараются закрепить победу вступивших в союз дворянства и буржуазии, закрепить то положение вещей, при котором развитие капитализма должно пойти вперед с невероятной быстротой.

Что смысл их выпадов против литературно-критической деятельности Добролюбова был именно таков, ясно видно из статей Соловьева. Цитируя известное место из статьи «Темное царство» о том, что если ни в чем не спускать самодурам, ни в чем не уступать им и постоянно вступать с ними в борьбу, то из ста случаев в девяносто девять можно взять верх, Соловьев говорит: «Едва ли этот счет верен. Не наоборот ли... А считать и соображать тут нужно хорошо, потому что малейшая ошибка и промах ведут к печальным последствиям». Не явный ли намек это на крах крестьянской революции?

А вслед за этим Соловьев высказывается еще яснее и еще откровеннее.

«Да если... насилие и возьмет верх над другим насилием, — говорит он, — то малый от этого выигрыш для человечества... История представляет нам многочисленные примеры, как люди с самыми благороднейшими стремлениями, вооружившись во время давления, огрубели и, столкнувшись с деспотом, стали разыгрывать их роль».

Другими словами, Соловьев хочет сказать, что у революции большей частью бывает мало шансов на победу, если же она и побеждает, то это ведет только к новому гнету и деспотизму. И вслед за этим он ясно раскрывает политические предпосылки проводимой им защиты чистой художественности, во имя которой он и выступает против Добролюбова.

«Самодурство, деспотизм могут быть побеждены только талантом, искусством, — говорит он. — И слово искусство имеет в этом смысле значе-

ние глубокое и в высшей степени прогрессивное, почти священное. «Будьте мудры, как змеи», сказал спаситель».

Мы видим, что Соловьеву так же, как и Достоевскому, нужны такое искусство и такая литература, которые призывали бы к классовому сотрудничеству, к примирению враждующих классов, между тем как вся литературно-критическая деятельность Добролюбова имела своей целью использование художественной литературы в диаметрально противоположном направлении.

Таким образом, борьба Достоевского, Зарина и Соловьева с Добролюбовым, как с литературным критиком — это борьба за упрочение не только экономической и политической, но и культурной гегемонии победивших классов.

Обвинения классовых врагов Добролюбова, конечно, не выдерживают никакой критики и давным-давно опровергнуты историей.

Тем не менее все-таки любопытно проверить, в какой мере приведенные выше обвинения и упреки соответствуют фактам.

С формальной точки зрения наибольшего внимания заслуживает упрек в смешении задач публициста и критика. Неужели Добролюбов не мог строить свои публицистические выводы не на литературном материале, а на материале, взятом из самой жизни?

На этот вопрос в свое время дал ответ уже Плеханов. В статье «Добролюбов и Островский» Плеханов указывает, что в литературной деятельности Добролюбова публицист всегда преобладал над литературным критиком, и даже признает, что публицистика Добролюбова, с одной стороны, и его литературная критика, с другой стороны, немало бы выиграли, отмежевавшись друг от друга: тогда они еще сильнее действовали бы на читателей.

«Но, — говорит Плеханов, — он, наверно, и сам ничего не имел бы против размежевания публицистики с литературной критикой» и вслед за этим напоминает о Белинском, который был несравненным литературным критиком и тем не менее очень не прочь был отмежевать критику от публицистики, заявляя: «Ну, какой я литературный критик? Я рожден быть памфлетистом!»

Однако ни Белинский в 30-х и 40-х годах, ни Добролюбов в начале 60-х годов не могли это сделать. «Почему же? Потому», — говорит Плеханов, — что «существовал некто в сером, мешавший выходить из определенных рам: цензор»⁵².

Действительно, стоит пересмотреть текст политических статей Добролюбова в тех изданиях его сочинений, где наглядно показаны цензурные купюры и даны интерполяции по «Современнику», чтобы убедиться в том, как беспощадно уродовала цензура именно политические статьи Добролюбова. Конечно, статьи на литературные темы также уродовались цензурой, но здесь основная мысль обыкновенно не искажалась или искажалась в гораздо меньшей степени.

Противники Добролюбова великолепно знали и понимали это: мы видели, что когда Достоевский, полемизируя с Катковым, считал нужным выступить в защиту Добролюбова, он указывал, что «Свисток» имеет *raison d'être* вследствие цензурной обстановки. Но такой же *raison d'être* имели публицистические статьи Добролюбова на литературном материале. Однако, может быть, публицистический метод Добролюбова действительно не позволял ему правильно оценивать явления современной ему художественной литературы? Может быть Добролюбов действительно пренебрегал художественной стороной разбираемых им произведений и оценивал их только как материал, более или менее пригодный для его публицистических выводов?

Для ответа на этот вопрос лучше всего обратиться к статьям Добролюбова.

В целом ряде статей Добролюбов с достаточной ясностью указал, какие

требования он предъявляет к идейной стороне литературных произведений: и к их художественным достоинствам. Добролюбов не скрывал, что при оценке того или иного произведения чисто формальные достоинства не могут компенсировать для него малоценность или неприемлемость содержания. Так, например, в статье о «Повестях и рассказах» С. Т. Славутинского Добролюбов прямо заявил: «Если уж выбирать между искусством или действительностью, то пусть лучше будут неудовлетворяющие эстетическим теориям, но верные смыслу действительности рассказы, нежели безукоризненные для отвлеченного искусства, но искажающие жизнь и ее истинное значение». Подобным же образом в статье о «Стихотворениях Ивана Никитина» Добролюбов советовал начинающему поэту не слишком увлекаться «пластикой» в поэзии, а обратить больше внимания на содержание своего творчества и при этом писал: «пластика в поэзии — роскошь, прихоть, аксессуар; поэтам, ничего не имеющим кроме пластического таланта, мы можем удивляться, но удивляться точно так же, как блестящему виртуозу, которого все достоинство состоит в преодолении технических трудностей».

Однако давали ли все эти высказывания право обвинять Добролюбова в пренебрежении к художественности и в непонимании ее значения?

Если Добролюбов придавал содержанию литературного произведения решающее значение сравнительно с формой, то значит ли это, что он не понимал значения художественной формы и не признавал специфических особенностей литературного творчества? Посмотрим, как высказывался он по этому вопросу в своих статьях.

Еще в статье «Новые стихотворения В. Бенедиктова», напечатанной в январской книжке «Современника» за 1858 г., Добролюбов совершенно ясно выразил свой взгляд на зависимость идеологического воздействия литературных произведений от их художественных достоинств, указав, что писатели, обладающие правильным взглядом на вещи, но недостаточно талантливые, не могут увлечь за собой массы именно по той причине, что их произведения не стоят на должной высоте в художественном отношении. «Такие писатели пользуются большим успехом в избранных кружках, — говорит в этой статье Добролюбов, — но не увлекают за собой массы именно потому, что до их воззрений она не доросла, а художественная сторона их произведений не настолько совершенна, чтобы говорить душе читателя»⁵³.

Выпады Добролюбова против эстетической критики, сводящей оценки литературного произведения исключительно к разбору особенностей их художественной формы, общеизвестны. Однако в некоторых случаях Добролюбов, для которого на первом плане стояли, конечно, публицистические задачи, считал нужным говорить не о содержании, а о форме разбираемого им произведения, подвергать его именно эстетическому анализу. Так, например, поступил он с комедией Потехина «Мишура» (статья в августовской книжке «Современника» за 1858 г.), подробно указав на длинноты пьесы, на искусственность мотивировок при изображении поступков действующих лиц, на неестественность характера главного действующего лица пьесы, на мелодраматизм интриги и недостаток истинного комизма. «Признаем, — писал Добролюбов об авторе этой комедии, — цели своей он достиг, но достиг, как диалектик, как моралист, как юридический обвинитель, но не как художник».

Точно так же классический, поистине бессмертный разбор романа Достоевского «Униженные и оскорбленные» представляет собой отнюдь не истолкование идейного смысла этого произведения, а именно оценку его художественных достоинств. Этим разбором, написанным через несколько месяцев после статьи Достоевского «Г-бов и вопрос об искусстве», Добролюбов как бы ответил Достоевскому на выставленное им требование разбора

художественной стороны литературных произведений и, обнаружив тонкое художественное чутье, с убийственной для Достоевского убедительностью показал ненатуральность и неправдоподобие фабулы «Униженных и оскорбленных», ряд несообразностей и натяжек в развертывании сюжета, неестественность и преувеличение в изображении характеров, слабость психологических мотивировок при изображении поступков действующих лиц, фальшивость тона и стиля всего произведения.

Установка на публицистику не мешала Добролюбову понимать специфические особенности литературного творчества. Разница же между Добролюбовым и его противниками в подходе к произведениям художественной литературы заключалась не в том, что противники Добролюбова принимали в качестве критерия для оценки литературных произведений их художественные достоинства, а Добролюбов этот критерий отвергал: разница заключалась в том, что принципы классификации литературных произведений у Добролюбова и у его критиков действительно не совпадали.

Критики Добролюбова были не только эстетамы и идеалистами: все они были безусловными противниками крестьянской революции. На словах они заявляли, что требуют от литературного произведения исключительно художественных достоинств, что их критерием при оценке литературных произведений является исключительно художественность. На деле это было не совсем так: как мы уже видели, очень часто противники Добролюбова, обрушиваясь на того или иного писателя якобы за несостоятельность его творчества в художественном отношении, на самом деле были возмущены неприемлемой для них классовой идеологией.

Обвиняя Добролюбова в неправильных тенденциозных оценках литературных произведений, его противники сами впадали в гораздо большую тенденциозность и допускали гораздо более неправильные оценки. Так, например, тот же Соловьев с пеной у рта неоднократно выступал против романа Чернышевского «Что делать?» и при этом нападал не столько на художественную сторону романа, сколько на его основную идею.

Что же касается до критических оценок, которые давал Добролюбов творчеству отдельных писателей, то они были во всяком случае не менее объективны, чем оценки его противников. В самом деле, можем ли мы упрекать Добролюбова в недооценке творчества таких крупных художников, произведения которых не давали ему материала для нужных ему публицистических выводов?

Противники Добролюбова, бросившие ему этот упрек, забывали, что Добролюбов умел делать нужные ему публицистические выводы из творчества таких писателей, идеология которых вовсе не совпадала с его собственной идеологией, — достаточно вспомнить его статьи «Что такое обломовщина?» и «Темное царство». Ни Островский, ни тем более Гончаров отнюдь не были близки по своей идеологии к Добролюбову. Однако даже Зарин и Соловьев понимали, что смешно было бы обвинять Добролюбова в недооценке творчества именно этих писателей, и не обвиняли его в этом. Достоевский и последовавшие за ним критики обвиняли Добролюбова в недооценке творчества Пушкина и Тургенева, и нельзя отрицать, что это обвинение заслуживает некоторого внимания. Об отношении Добролюбова к творчеству Пушкина мы скажем впоследствии и в другой связи, теперь же посмотрим, насколько справедлив был упрек в недооценке творчества Тургенева. Здесь с самого начала нужно оговориться. Поднимая этот вопрос, мы имеем в виду не позицию журнала «Современник», не тактику, усвоенную редакцией этого журнала по отношению к Тургеневу. Нас интересует исключительно то, как Добролюбов характеризовал и оценивал Тургенева-художника. История конфликта Тургенева с «Современником» и роль Чернышевского и Добролюбова в этом конфликте достаточно освещены в нашей литературе; в настоящий

момент на частном примере Тургенева интересно установить только, насколько справедливо утверждение противников Добролюбова, что он неслобы был объективно оценивать художественное творчество тех крупных писателей, которые не удовлетворяли его в идеологическом отношении.

Как раз пример оценки творчества Тургенева, произведенной Добролюбовым, в данном случае особенно показателен. Нет сомнения, что уже роман «Накануне» во многом не удовлетворил Добролюбова своей идейной стороной, и что Добролюбов уже в статье «Когда же придет настоящий день?» дал отчасти отрицательную оценку идейного содержания творчества Тургенева. В сущности говоря, именно это обстоятельство и сыграло решающую роль в истории разрыва Тургенева с «Современником».

Однако как оценил и как охарактеризовал в этой статье Добролюбов Тургенева-художника?

Как известно, Тургенев при всем своем нерасположении к Добролюбову вынужден был признать, что как раз его художественному таланту Добролюбов в своей статье воздал должное. Больше того: Тургенев оправдывался от упрека, что его «Отцы и дети» — не что иное, как памфлет на Добролюбова, указывая на то обстоятельство, что у него не могло быть никаких побуждений писать такой памфлет именно вследствие того, что Добролюбов очень высоко оценил его художественный талант. В «Заметке по поводу «Отцов и детей» Тургенев прямо говорит, что статья Добролюбова о последнем его произведении пред «Отцами и детьми» — о «Накануне» была исполнена самых горячих, говоря по совести, самых незаслуженных похвал». Мы знаем теперь, что Тургенев несколько покривил душой: побуждения бороться с Добролюбовым у него были и даже очень сильные: во-первых, Добролюбов в своей статье «Когда же придет настоящий день?» и в других своих статьях предъявил к содержанию художественной литературы такие требования, которые были совершенно неприемлемы и чуть ли не оскорбительны для «либерала-постепеновца» Тургенева; во-вторых, пренебрежительное отношение Добролюбова к эстетической критике задевало за живое эстета и идеалиста Тургенева. Но в одном Тургенев был прав: статья «Когда же придет настоящий день?» действительно не дает никаких оснований обвинить Добролюбова в том, что он не понимает художественной стороны творчества Тургенева или недооценивает эту сторону, — для того, чтобы убедиться в этом достаточно вспомнить хотя бы то место статьи, в котором Добролюбов говорит о впечатлении, произведенном на него историей сближения Елены с Инсаровым.

Можно спорить с несколько пренебрежительной оценкой художественного таланта Достоевского, которую дал Добролюбов в своей статье «Забитые люди». Но не следует забывать, что когда Добролюбов писал эту статью еще не существовало ни «Записок из Мертвого дома», ни «Преступления и наказания», ни «Идиота», и, следовательно, литературная репутация Достоевского, сильно потускневшая в конце 40-х годов, еще не была восстановлена.

Но, может быть, более справедливо другое предъявленное Добролюбову обвинение — обвинение в переоценке посредственных писателей, произведения которых давали ему богатый материал для его публицистических выводов? Может быть Добролюбов действительно был «литературным потатчиком», как назвал его Зарин?

Дело в том, что противники Добролюбова, бросавшие ему такое обвинение, не желали считаться с особенностями его положения. Особенности положения, в котором находился Добролюбов, заключались в том, что он должен был отстаивать идеи крестьянской революции в легальной печати.

Выше мы сказали, что принципы классификации литературных произведений, которых придерживались Добролюбов и его противники, были неодинаковы. Так, например, Достоевский считал, что критик обязан классифици-

ровать литературные произведения только по принципу большей или меньшей их художественности и совершенно безотносительно к содержанию самого произведения. Но Добролюбов не мог поступать подобным образом. Добролюбов неоднократно заявлял, что его прежде всего интересуют идеи и положения, развиваемые у данного автора, общий характер его убеждений и воззрений на жизнь, его симпатии и антипатии. Но в классовом обществе всякие идеи и воззрения являются выражением психологии и идеологии известного класса. Следовательно, Добролюбов, в сущности, делил литературные произведения по классовому принципу. При этом он действительно в некоторых случаях для своих публицистических выводов предпочитал в качестве материала творчество второстепенного, но классово-близкого ему писателя высокохудожественному творчеству, которое было порождением чуждой ему классовой психологии или идеологии.

В статье о «Повестях и рассказах» С. Т. Славутинского Добролюбов прямо заявлял, что некоторые второстепенные писатели заслуживают внимания, если «хоть одну черту разъяснили или даже только указали нам в этой жизни, которая у всех у нас пред глазами, всех задевает собою и однако же так немногих наводит на серьезную думу, так немногими понимается».

Именно по этой причине Добролюбов построил свою публицистическую статью «Черты для характеристики русского простонародья» на материале рассказов Марка Вовчка, именно поэтому он нашел интерес в повестях малоизвестного беллетриста Славутинского, в которых, как он говорит, хоть и «нет ни малейшей претензии на эстетические украшения, но есть верная передача действительных фактов без прикрас, без натянутостей, без дидактических основ».

В этой же статье о повестях Славутинского Добролюбов прозрачно намекнул, что произведения дворянских писателей, изображающие жизнь крепостной деревни, при всех своих художественных достоинствах не дают этой верной передачи действительных фактов, что авторы этих произведений никогда не показывают, например, «как мужик с своей деревней связан, кем управляется, какие несет повинности, в каких отношениях находится он с барином, с управляющим, с окружным начальником» и т. д.

Рассуждая таким образом, Добролюбов рассуждал не как литературный критик, а как публицист, как практический деятель, как политик, которому совершенно необходим литературный материал для тех или иных публицистических построений (почему Добролюбову был необходим именно литературный материал, мы уже указывали выше). В момент обострения классовой борьбы Добролюбов не мог поступать иначе. Он вовсе не был «литературным потатчиком», он был только превосходным публицистом, умевшим создавать совершенно самостоятельные картины действительности не только на первосортном, но и на второсортном литературном материале. Добролюбов умел делать из литературных произведений такие выводы, которые и в голову не приходили их авторам, и выводы эти были вполне обоснованы.

Зарин и Соловьев упрекали его за это в том, что он якобы поощряет бессознательное творчество, отучает писателей мыслить и таким образом развращает их. Но эти упреки уже настолько бессмысленны, что на них даже не стоит отвечать.

С другой стороны, Достоевский, как мы видели, обвинял Добролюбова в том, что он заставляет писателей насиловать свой талант в угоду тенденции. Но действительно ли Добролюбов требовал этого от каждого писателя? Можно ли его обвинить в стеснении свободы творчества, в стремлении насиловать творческую волю писателя?

Свое отношение к тенденциозному творчеству Добролюбов выразил в лучших своих статьях — в статьях «Что такое обломовщина?», «Темное

царство» и «Луч света в темном царстве». В этих трех статьях Добролюбов выказал себя убежденным противником тенденциозной литературы. Так, в начале статьи «Что такое обломовщина?» Добролюбов сочувственно подчеркнул, что Гончаров — не «тенденциозный писатель», и при этом с явной иронией отозвался о писателях, которые тратят всю свою энергию на разъяснение цели и смысла своих произведений. «У таких авторов каждая страница, — писал Добролюбов, — бьет на то, чтобы вразумить читателя и много нужн недогадливости, чтобы не понять их... зато плодом чтения их бывает более или менее полное согласие с идеею, положенною в основание произведения... Остальное все улетучивается через два часа по прочтении книги».

Точно так же в начале статьи «Темное царство» Добролюбов заявлял себя противником тенденциозных критиков, которые хотят видеть в писателе поборника своих собственных убеждений, и противопоставляет тенденциозной критике критику реальную, которая не допускает навязывания автору чужих мыслей.

Наконец, в начале статьи «Луч света в темном царстве» Добролюбов высказывается еще яснее по вопросу о тенденциозности в литературе.

«Мы нисколько не думаем, чтобы всякий автор должен был создавать свои произведения под влиянием известной теории, — говорит он здесь, — он может быть каких угодно мнений, лишь бы талант его был чуток к художественной правде. Художественное произведение может быть выражением известной идеи не потому, что автор задался этой идеей при его создании, а потому, что автора его поразили такие факты действительности, из которых эта идея вытекает сама собой... Талант есть принадлежность природы человека, и он не отдает себя на служение неправде и бессмыслице не потому, чтобы не хотел, а просто потому, что не может не выйти у него ничего хорошего, если б он и вздумал понасиловать свой талант»⁸⁸.

Мы видим, таким образом, что основные законы художественного творчества, в непонимании которых упрекали Добролюбова его противники, были ему прекрасно известны. Добролюбов вовсе не требовал от писателей, чтобы они насиловали свой талант в угоду тенденции: он первый не удовлетворился бы результатами такого вымученного творчества. Добролюбов требовал, чтобы те писатели, творчество которых не удовлетворяло его своим содержанием, научились понимать современную им социально-политическую действительность, и был уверен, что при этом условия их творчество естественным путем приобретет иное содержание и другой политический смысл, при чем художественный его уровень не только не понизится, но даже повысится.

Мы видим, таким образом, насколько нелепы и чудовищны обвинения Зарина и Соловьева в том, что Добролюбов, предъявлявший такие высокие требования и к содержанию и к форме литературных произведений, был будто бы «литературным потатчиком», приучал писателей к бессознательному творчеству, или требовал от писателей узко-тенденциозных произведений и поощрял бездарности.

Начиная наш очерк истории литературной борьбы с Добролюбовым, мы отнюдь не ставили себе задачей осветить историю этой борьбы исчерпывающим образом. Мы сознательно старались говорить только о наиболее важных с нашей точки зрения моментах, оставляя в стороне многие второстепенные факты и детали и сознательно ограничились своим обзор пределами эпохи 60-х годов. О более поздней полемике нам не дают возможности говорить размеры статьи, но мы считаем необходимым отметить тот факт, что эта полемика велась еще в 80-х годах, и даже позже.

В суждениях о литературной деятельности Добролюбова так много чудовищных ошибок, преувеличений, натяжек, извращений, фактов, странного

непонимания самых простых и ясных вещей, явной бессмыслицы и клеветы. Только условиями обостренной классовой и политической борьбы можно объяснить утверждения, что Добролюбов — агент цензурного триумvirата, что он нападает на обличительную литературу из эстетических побуждений, что его «Свисток» убил русскую поэзию, что его статья о Кавуре напоминает статьи Булгарина и сближает его с приверженцами крайней реакции. Только классовое ослепление могло подсказать такие, например, общие оценки деятельности Добролюбова после его смерти: «Бедный человек этот Добролюбов. Он умер так рано. Несколько статей, написанных в «Современнике», несколько стихов в «Свистке» отличаются бойкостью и развязностью чувства, которая подавала надежду, что со временем, став позреее, он понял бы, что такое его друзья, и что за атмосфера, в которой он жил»⁶⁴.

Или: «Мы чувствуем желание взглянуть свысока на Добролюбова, потому что находим у него очевидные недостатки, промахи всякого рода, мысли неточные, недодуманные, мелкие, фальшивые, вопиющие противоречия и плоскости... И потому, если бы нам предложили вопрос, принадлежим ли мы к поклонникам Добролюбова, мы могли бы обидеться, как Гамлет Щигровского уезда, и отвечать: «помилуйте, за кого вы нас принимаете? Я Гегеля изучал, я Гете знаю наизусть, как же я могу быть поклонником Добролюбова»⁶⁵.

Это писалось не в ироническом смысле, а совершенно серьезно.

Добролюбов таким образом испытал участь очень многих крупных политических деятелей и революционеров. На него беззастенчиво клеветали при жизни и еще более беззастенчиво стали клеветать после смерти. Однако можно ли считать литературно-критический метод Добролюбова абсолютно неуязвимым для всякой критики?

Как известно, Добролюбов был последовательным материалистом-Фейербахианцем. Главный недостаток материалистической философии Фейербаха заключался в том, что эта философия не применяла материалистический метод к области истории, к области общественных наук вообще. Правда, Добролюбов, как и Чернышевский, понимал значение классовой борьбы, как движущего фактора истории, и умел анализировать современные ему политические события с классовой точки зрения. Но он не имел четкого представления о законах, управляющих развитием капиталистического общества, и ему неясна была роль пролетариата в деле ликвидации капиталистического строя. Эти недостатки мировоззрения Добролюбова сказались на его эстетике. Эстетика Добролюбова — это эстетика идеолога крестьянской революции. С нашей современной точки зрения эта эстетика иногда кажется слишком аскетической.

В своем эстетическом аскетизме Добролюбов шел иногда даже дальше Чернышевского. Так, например, он разошелся с последним в оценке лирики Пушкина. Чернышевский считал Пушкина человеком «необыкновенного ума и чрезвычайно образованным». «Каждый стих, каждая строка беглых заметок Пушкина затрагивала, возбуждала мысль, если читатель мог пробудиться к мысли. Это значение Пушкин продолжает еще сохранять до нашего времени»⁶⁶.

Добролюбов же рассматривал Пушкина, как типичного представителя дворянского общества его времени, и утверждал, что лучшие лирические стихотворения Пушкина, как, например, «Я вас люблю, любовь еще быть может», или «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...» — только альбомные побрякушки. Поневоле приходится признать что Достоевский, упрекавший в своей статье Добролюбова за такую оценку лирики Пушкина, в данном частном случае был прав.

Однако значение подобных ошибок Добролюбова не следует преувеличивать. В той же статье, где было высказано приведенное выше суждение

о лирике Пушкина, Добролюбов говорил и о значении Пушкина в истории русской литературы, отмечая, что до Пушкина в русской литературе господствовало «отвращение от всякого естественного чувства и верного изображения предметов», что Пушкин первый осмелился находить поэзию не в воображаемом идеале предмета, а в самом предмете, каков он есть, и что в этом приближении к реализму и к природе и состоит величайшая литературная заслуга Пушкина.

Вообще и положительные стороны и недочеты литературно-критической деятельности Добролюбова были вполне обусловлены соотношением классовых сил его времени и могут быть правильно установлены только марксистской критикой. Историческое значение Добролюбова вовсе не в том, что он дал абсолютно непогрешимый анализ творчества Пушкина или Гончарова, Островского или Тургенева. Этого Добролюбов, может быть, и не сделал, он был занят другим более важным делом. Историческое значение Добролюбова в том, что он дал непревзойденные до нашего времени образцы публицистического использования не только классово близкой, но и классово чуждой ему дворянской и буржуазной литературы, которая в пору его деятельности переживала эпоху расцвета. Высокие требования, предъявлявшиеся Добролюбовым к содержанию литературно-художественных произведений свидетельствовали о том, какое огромное значение придавал Добролюбов художественной литературе. В этом отношении между Добролюбовым и такими «разрушителями эстетики», как Писарев и Зайцев, была огромная разница. Нет сомнения, что в деле укрепления влияния художественной литературы на общество Добролюбов своими публицистическими статьями сделал неизмеримо больше любого эстета-идеалиста. Вот чего не понимали или не желали понять такие противники Добролюбова, как Аполлон Григорьев и Достоевский. А именно в этом-то и заключается основное значение блестящей литературной деятельности Добролюбова. Недаром Карл Маркс сравнивал Добролюбова с Лессингом и Дидро, недаром Энгельс утверждал, что страна, породившая таких людей, как Добролюбов, не погибнет, недаром Ленин, полемизируя с социал-реформистами, ставил им в пример Добролюбова, умевшего говорить правду даже в крепостной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чернышевский, Н. Г. В изъявление признательности. Полн. собр. соч. СПб, 1906, т. IX, стр. 102—103.

² См. Добролюбов, Н. А. Ответ А. Д. Галахову. Полн. собр. соч., ред. М. К. Лемке., СПб, 1911, стр. 229—230. В дальнейшем все цитаты из сочинений Добролюбова сделаны по этому изданию.

³ «Отечественные Записки», 1856, октябрь. Литературные и журнальные заметки, стр. 79—82.

⁴ Фактическая сторона инцидента с наибольшей полнотой освещена в примечаниях М. К. Лемке к III тому собрания сочинений Добролюбова издания 1911 г. (стр. 139—156) и к X тому собрания сочинений Герцена издания 1919 г. (стр. 16—23). О политическом же смысле инцидента см.: Стеклов, Ю. Чернышевский, Н. Г. Его жизнь и деятельность. ГИЗ, М.-Л., 1928, т. II, глава 8. Герцен как инициатор либерального похода на революционную демократию, стр. 43—60. (Здесь впервые разъяснено и убедительно доказано, что сущность конфликта заключалась в спор об отношении к крестьянской революции).

⁵ Ленин, В. И. Собр. соч., изд. 1-е, т. XII, ч. I, стр. 96.

⁶ Герцен, А. И. Полн. собр. соч., ред. М. К. Лемке, т. IX.

⁷ Там же, стр. 13.

⁸ Разрядка моя. — Г. Б.

⁹ См. Добролюбов, Н. А. Соч. под ред. М. К. Лемке, СПб, 1911, т. II, стр. 153 и 242, подстрочные примечания.

¹⁰ Шелгунов, М. В. Воспоминания, ГИЗ, М.-Л. 1923, стр. 36.

¹¹ Чернышевский, Н. Г. Сведения о числе подписчиков на «Современник по губерниям и городам. Полн. собр. соч. СПб, 1906, т. VII, стр. 67.

- ¹² «Московские Ведомости», 1859, № 95. Разрядка моя. — Г. Б.
- ¹³ «Современник», 1860, май.
- ¹⁴ «Отечественные Записки», 1860, сентябрь, отдел критики, стр. 37—39. Разрядка моя. — Г. Б.
- ¹⁵ «Русский Вестник», 1861, январь. «Несколько слов вместо современной летописи».
- ¹⁶ «Отечественные Записки», 1861, май, Современная хроника России, стр. 19.
- ¹⁷ Достоевский, Ф. М. Собр. соч. изд. ГИХЛ, М.-Л., 1930, т. XIII, стр. 203.
- ¹⁸ «Время», 1861, август.
- ¹⁹ Соловьев, Н. Искусство и жизнь. Критические сочинения Николая Соловьева, ч. I, М., 1869, стр. 173.
- ²⁰ Тургенев, И. С. Собр. соч., т. XI, ГИХЛ, М.-Л. стр. 412 и сл.
- ²¹ Очевидно Драгоманов хочет сказать: «не только не порок».
- ²² «Русская Речь», 1861, № 54, стр. 29.
- ²³ «Отечественные Записки», 1861, апрель. «Заметки празднующающегося», стр. 62.
- ²⁴ «Отечественные Записки», 1861, май. «Современная хроника России», стр. 19.
- ²⁵ «Отечественные Записки», 1861, VI, стр. 138.
- ²⁶ Там же, стр. 140.
- ²⁷ Чернышевский, Н. Г. Poleмические красоты. Статья вторая. Полн. собр. соч., СПб, 1906, т. VIII, стр. 202.
- ²⁸ Добролюбов, Н. А. От дождя да в воду. Полн. собр. соч. СПб, 1911, т. III, стр. 357.
- ²⁹ Через тридцать с лишним лет А. Вольнский снова повторил упреки, сделанные Добролюбову Драгомановым и публицистами «Отечественных Записок», и снова обвинял Добролюбова в мальчишеском неуважении к выдающемуся ученому и общественному деятелю. См. Вольнский, А. Русские критики, СПб., 1896, стр. 177.
- ³⁰ Полянский, В. (П. Лебедев), Н. А. Добролюбов, М. 1933, стр. 187 и 189.
- ³¹ «Отечественные Записки», 1861, март, Альбертини, Н. Политическое обозрение, стр. 24 и след.
- ³² «Русская Речь», 1861, № 28.
- ³³ «Отечественные Записки», 1861, апрель. Альбертини. Политическое обозрение, стр. 96—98.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Чернышевский, Н. Г. Poleмические красоты, статья вторая. Полн. собр. соч., СПб, т. VIII, стр. 249—250.
- ³⁶ Тургенев, И. С. Соч., т. XI, ГИХЛ, М.-Л., стр. 414—415.
- ³⁷ Ленин, В. И. Собр. соч., т. XV, стр. 143.
- ³⁸ Сборник «Огни», П. 1916.
- ³⁹ «Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии». Ред. В. Княжнина, П. II, 1917.
- ⁴⁰ Григорьев, Аполлон. После «Грозы» Островского. (Письма к И. С. Тургеневу). Соч., т. I, СПб, 1876, стр. 453.
- ⁴¹ Добролюбов, Н. А. «Луч света в темном царстве». Полн. собр. соч., СПб, 1911, т. IV, стр. 381—382.
- ⁴² Полянский, В. (П. Лебедев), Н. А. Добролюбов, М.—Л., 1933.
- ⁴³ «Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии». Ред. В. Княжнина. П. 1917, стр. 252.
- ⁴⁴ Григорьев, Аполлон. Собр. соч., т. I, стр. 466.
- ⁴⁵ Григорьев, Аполлон. Воспоминания. Ред. Р. Иванова-Разумника. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 445.
- ⁴⁶ Достоевский, Ф. М. Соч., ГИЗ, М.—Л. 1930, стр. 445.
- ⁴⁷ Достоевский, Ф. М. Г-бов и вопрос об искусстве. Соч. ГИЗ. М.—Л. 1930, т. XIII, стр. 73—74.
- ⁴⁸ «Библиотека для Чтения», 1862. Январь. Зарин, А. Е. Небывалые люди, стр. 34. В дальнейшем все цитаты из статьи Зарина взяты из этого же номера «Библиотеки для Чтения».
- ⁴⁹ Соловьев, Н. Вопрос об искусстве.—«Отечественные Записки», 1865, июль кн. I. Цитируя по книге Соловьева «Искусство и жизнь», ч. I, стр. 137.
- ⁵⁰ Разрядка моя. — Г. Б.
- ⁵¹ См. Чернышевский, Н. Г. Мои свидания с Достоевским.—«Литературное наследие», М.—Л. 1930, т. III.
- ⁵² Плеханов, Г. В. Добролюбов и Островский. Соч., т. XXIV.
- ⁵³ Разрядка моя. — Г. Б.
- ⁵⁴ «Русский Вестник», 1861, № 10, Современная Летопись, стр. 14.
- ⁵⁵ «Время», 1862, т. VIII. Критическое обозрение, стр. 32, 33, 34.
- ⁵⁶ Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч., СПб, 1906, т. I, стр. 291.